

PK-196
504796

PK-198

504796

~~8 IV~~
~~109~~

V45

30

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА.

P^o

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше повелѣли напечатать, на счетъ Кабинета, записки о приключеніяхъ моихъ въ плѣну у Японцевъ. Съ благоговѣйнымъ чувствомъ безпредѣльной признательности, дерзаю посвятить ихъ Высокому имени ВАШЕМУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподанный

Головинъ.

ЗАПИСКИ

X/8
12

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА

О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ ЕГО

ВЪ ПЛѢНУ

У ЯПОНЦЕВЪ

1984

Въ 1811, 1812 и 1813 годахъ.

Съ приобщеніемъ

*Записаній его о Японскомъ Государствѣ
и народѣ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Напечатаны по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Въ Морской Типографіи 1816 года.

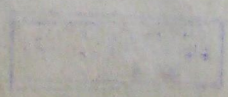
504796

58

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска въ продажу
представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ
экземпляръ сей книги, для Цензурнаго Комитета, дру-
гой для Департамента Министерства просвѣщенія,
два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библио-
теки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.
Санктшпетербургъ, 1816 года Марта 27. дня.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Г. Яценковъ.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ, ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

и прочая, и прочая, и прочая.

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Ненужно распространяться о томъ, сколь мало Японія извѣстна въ Европѣ. Хотя было время, когда Японцы, не имѣя понятія о корысполубіи Европейцевъ, допускали ихъ въ свое Государство и позволяли имъ дѣлать всякаго рода замѣчанія; но разногласія и противорѣчія, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ многихъ писателей о Японіи, не позволяють вѣрить ихъ повѣствованіямъ. Припомъ съ той поры, какъ Японцы лишили Европейцевъ свободнаго къ себѣ доступа, прошло сполько времени, что по естественному порядку вещей должна была послѣдовать перемѣна во многихъ частяхъ, и Японія конечно нынѣ не то, что была въ тѣ времена. Голландцы, торгующіе въ Нагасаки, при всемъ спѣшеніи въ обращеніи съ жителями, по знанію Японскаго языка, безъ сомнѣнія могли бы собрать весьма многія любопытныя свѣденія о семъ Государствѣ; но если, какъ всѣмъ извѣстно, они держась въ тайнѣ описи и карпы даже пакихъ мѣстъ, куда имѣли доступъ другіе Европейскіе народы съ большими познаніями, и наблюденія о копорыхъ сообщены Свѣту во всей подробности; то чего ожидать отъ нихъ относительно Японіи, куда изъ всѣхъ Европейцевъ они одни допускаются? Слѣдственно свѣденіе о семъ древнемъ народѣ должно быть занимательно для людей просвѣщенныхъ. Сіе самое побудило меня сообщить

Свѣшу приключенія мои въ плѣну у *Японцевъ*, копорыя, въ другомъ случаѣ, не заслуживали бы вниманія публики. По прочшеніи ихъ увидяшъ, какія ограниченныя средства имѣлъ я для наблюденія всего, что пошребно къ описанію великаго и мало извѣснаго Государства, и не станушъ винить меня въ крашкоспи моихъ замѣчаній о такомъ предметѣ, подробное описаніе котораго могло бы доспавишъ маперіаловъ на нѣсколько помовъ.

Еслибъ, по примѣру нѣкопорыхъ издашелей путешешвій, я имѣлъ желаніе увеличитъ сію книгу, для моихъ выгодъ, то конечно могъ бы, подѣ названіемъ предисловія, введенія, вступленія и проч. и проч. наполнитъ добрый томъ выписками изъ другихъ книгъ, въ коихъ писано о *Японіи*, и копорыя извѣсны всѣмъ просвѣщеннымъ читащеламъ; но я хочу описывашъ только то, что со мною случилось, что я самъ испыталъ и видѣлъ собственными глазами.

Здѣсь за нужное почишаю сказать, что записки сіи были готовы къ печати при возвращеніи моемъ въ *Петербургъ* (въ Іюль, 1814); но разныя причины, не опъ меня зависѣвшія, препяшшвовали издать ихъ прежде сего времени.

В. Г.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

страницы

Предметъ похода шлюпа *Дианы*. Приготовленія къ оному. Имена прежнихъ мореплавателей, бывшихъ у *Курильскихъ* острововъ. Планъ мой, какъ производишь описъ сихъ острововъ. Затрудненія и опасности встрѣчаемыя при описи оныхъ. Первое наше свиданіе съ *Японцами* на островъ *Итурупъ*, гдѣ нашли мы нашихъ *Курильцевъ*. Замѣчанія о подвластныхъ *Россіи Курильцахъ* вообще. Свиданіе съ *Японцами* на островъ *Кунаширъ*. Непріятельской ихъ поступокъ. Объясненія наши съ ними. Коварство и хитрость ихъ. Взятіе насъ въ плѣнь 1.

Происшествія на пути отъ *Кунашира* до города *Хакодаде*. Жестокость *Японцевъ* противъ насъ съ одной стороны, а съ другой непонятное ихъ объ насъ попеченіе. Спанныя предосторожности конвойныхъ. Обхожденіе ихъ съ нами. Поступки съ нами *Японскихъ* Чиновиновъ и гостинцы ихъ. Содержаніе наше. Ласки къ намъ житей и соболѣзнованіе ихъ о нашей участи. Прибытіе въ *Хакодаде* и заключеніе наше въ шюрьму . . . 66.

Заключеніе наше въ шюрьмѣ въ городѣ *Хакодаде*. Дуное содержаніе и строгость караула. Свиданіе съ Губоначальникомъ; вопросы его, открытіе нѣкоторыхъ буягъ и обстоятельствъ для насъ пагубныхъ. Осправленіе изъ *Хакодаде*. Происшествія на пути. Прибытіе въ *Матсмай* и заключеніе въ ужасную шюрьму . . . 107.

Свиданіе съ Губернаторомъ, вопросы его, низхожденіе имъ намъ оказанныя и содержаніе наше. Ласковыя и утѣшительныя его рѣчи и обнадѣживаніе ходатайствовать о нашей свободѣ. Описаніе и переводъ на *Японскій* языкъ нашего дѣла. Трудности при переводѣ встрѣившіяся. Перемены, сдѣланныя въ мѣстѣ нашего заключенія и въ нашемъ содержаніи къ лучшему . . . 167.

Вниманіе и снисхожденія къ намъ Японцевъ. Явился
нѣкто Теске для изученія у насъ Русскаго языка. Прибы-
тіе изъ столицы геодезиста съ намѣреніемъ учиться у
насъ дѣлать Астрономическія наблюденія и производить
опись береговъ. Гостинцы, имъ привезенные отъ Пра-
вительства. Позволеніе намъ выходить изъ тюрьмы и
прохаживаться по двору. Позволеніе ходить съ конвоемъ
гулять въ городъ и за городомъ. Открытіе важныхъ об-
стоятельствъ, лишившихъ насъ надежды возвратиться
въ Россію. Намѣреніе наше уйти. Способы и пригото-
вленіе къ сему. Г. Муръ отказывается быть намъ повари-
щемъ, рѣшается водвориться въ Япони, перемѣняетъ
свое поведеніе въ разсужденіи насъ и дѣлается намъ все-
ма опаснымъ. Японцы переводятъ насъ въ домъ и улу-
чиваютъ содержаніе наше, но Губернаторъ присылъ дѣ-
лаетъ объявленіе, которое кажется намъ подозрительнымъ. 213.

Описаніе новаго нашего жилища и содержанія. При-
чины, заставляющія насъ уйти. Г. Муръ остается не-
преклоннымъ, становится нашимъ врагомъ и дѣлаетъ-
ся для насъ еще опаснѣе прежняго. Мы его обманываемъ
и уходимъ 64.

СПИСОКЪ

Служившимъ на шлюпъ Діанѣ

въ 1811, 12, и 13 годахъ.

Капитанъ-Лейтенанты:

Василій Головинъ. }
Пётръ Рикордъ. } нынѣ Капитанъ: 2 ранга.

Лейтенанты:

Илья Рудаковъ.
Всеволодъ Якушкинъ.
Никандръ Филашовъ.

Мичманъ

Федоръ Муръ. } онъ былъ старшій офицеръ послѣ Г.
Рикорда; но не произведенъ въ Лейте-
нанты по бытности его въ плѣну.

Штурманъ 9 класса

Андрей Хлѣбниковъ.

Штурманъ 12 класса:

Василій Новицкій.
Василій Средній.

Лекаръ Титулярной Совѣтникъ

Рейнгольдъ Брандшъ.

Лекаръ Помощникъ 14 класса

Владиміръ Скородумовъ.

Шхиперской Помощникъ

Давило Лабушинъ.

Въ должности Коммисара
Елизаръ Начапинскій.

Писоводитель 14 класса
Степанъ Савельевъ.

Артиллеріи Констанель
Федотъ Папыринъ.

Квартермейстеры:
Егоръ Савельевъ.
Иванъ Большаковъ.
Петръ Андреевъ.
Семенъ Корошкій.

Матрозы:
Дмипрій Симоновъ.
Иванъ Симоновъ.
Тарасъ Васильевъ.
Андрей Съдуновъ.
Герасимъ Фоминъ.
Федоръ Рожинъ.
Машвѣй Черемухинъ.
Севастьянъ Зенинъ.
Спиридонъ Макаровъ.
Илья Спупинъ.
Федоръ Хахардинъ.
Ларіонъ Тимофеевъ.
Михайло Шкаевъ.
Никиша Федоровъ.
Филиппъ Тимофеевъ.
Сергѣй Савельевъ.
Игнатій Александровъ.
Григорій Васильевъ.

Степанъ Маршемьяновъ.

Семень Кушбировъ.

Веденикъ Филашовъ.

Елисей Бурцовъ.

Алексѣй Ульяновъ.

Плотникъ

Филиппъ Романовъ.

Парусникъ

Степанъ Маршемьяновъ.

Конопатникъ

Иванъ Сучковъ.

Кучнецъ

Федоръ Федоровъ.

Артиллеріи унтеръ - офицеръ

Иванъ Федоровъ.

Бомбардиры:

Кондрашій Ботовъ.

Никифоръ Глѣбовъ.

Канониръ

Тихонъ Тереншевъ.

Слесарь

Дмишрій Раздобурдинъ.

Слуги:

Капитана Головнина: Иванъ Григорьевъ.

Лейтенанта Рудакова: Сергѣй Крылацкой.

Прикомандированные на время изъ Охотска въ разныя времена

Лекаръ - - Алексѣй Филоновъ въ 1812 году.

Шшабъ-Лекаръ Николай Имхартъ въ 1813 году.

Вмѣсто Штурманскихъ Учениковъ Ю н с и :

Пётръ Ильинъ.

Степанъ Хлѣбалкинъ.

Морской роты, при одномъ унтеръ-офицерѣ, солдатъ 10 че-
ловѣкъ въ 1812 году.

Машрозовъ и юнговъ 12 человекъ въ 1812 и 1813 году.

КАРТА
САХАЛИНСКАГО МОИ
съ грядою вѣсѣхъ Курильскихъ о-вовъ,
изъ коихъ южные описаны въ 1811 г.
на планѣ Динѣ подъ командою
Капитана Гюльмана.

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1811 года, командуя Императорскимъ военнымъ шлюпомъ *Діаной*, находившимся тогда въ *Камгаткѣ* (1), получилъ я отъ Морскаго Министра предписаніе, коимъ, по Высочайшей волѣ, повелѣвалось мнѣ описать точнѣйшимъ образомъ *Южные Курильскіе острова*, *Шантарскіе острова* и *Татарскій берегъ*, отъ широты 53° 38' N до *Охотска*. Въ повелѣніи Господина Министра было упомянуто о двухъ бумагахъ, содержащихъ въ себѣ подробное описаніе возложеннаго на меня порученія, и посланныхъ съ онымъ повелѣніемъ въ одно время изъ Адмиралтействъ - Коллегіи и изъ Адмиралтейскаго Департамента, но сихъ бумагъ я не получилъ, да и получилъ ихъ въ *Камгат-*

(1) Шлюпъ *Діана* подъ моею командою отправленъ по Именному повелѣнію изъ *Кронштада* въ 1807 году съ особенными порученіями, изъ коихъ главнѣйшія были открытіе и опись малоизвѣстныхъ земель восточнаго края *Россійской Имперіи*. Въ 1809 году онъ прибылъ въ *Камгатку*, а въ 1810 плавалъ въ западнымъ берегамъ *Сѣверной Америки*. Описаніе сихъ путешествій издано будешь отъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента особою книгою.

ку прежде будущей осени, зная здѣшнія почтовые учрежденія, никакой возможности не предвидѣлъ по слѣдующимъ причинамъ: Въ продолженіе зимы, изъ *Охотска* въ *Камчатку* приходилъ при почты; на послѣдней изъ нихъ, пришедшей въ *Петропавловскую гавань* 20. Апрѣля, помянутыхъ бумагъ не привезено, слѣдственно при отправленіи сей почты изъ *Охотска* ихъ тамъ не было, а какъ въ *Охотскѣ* изъ *Петербурга* приходилъ почта однажды въ мѣсяцъ, то бумаги, на слѣдующей почтѣ привезенныя, должны были отправлены опшуда мѣсяцомъ позже прешней почты, а это случилось бы въ такое время, когда таюшъ снѣга, разливаются рѣки и наступаешъ настоящая распушца, прерывающая всякое сообщеніе по всему здѣшнему краю; отправишь же бумаги изъ *Охотска* въ *Камчатку* по вскрышѣ водъ моремъ, за неизмѣнимъ тогда судовъ при портѣ, было невозможно, ибо всѣ транспорты зимовали въ *Каматкѣ*; слѣдовательно, для полученія нынѣшнимъ лѣтомъ упоминаемыхъ бумагъ, оставалось мнѣ одно средство: идти со шлюпомъ въ *Охотскѣ*; да и Начальникъ *Охотскаго* порта, флота Капитанъ *Миницкій*, совѣтовалъ мнѣ, прежде начатія описи, прійти въ *Охотскѣ*, полагая, какъ-то видно изъ его отношенія, что шлюпъ имѣетъ нужду въ съѣстныхъ припасахъ и въ зависящихъ отъ порта починкахъ. Что касается до послѣднихъ, то я не нашелъ ни одного поврежденія въ шлюпѣ, котораго бы не могъ исправить своими людьми; въ разсужденіи же съѣстныхъ припасовъ надобно сказать, что въ нѣкоторыхъ родахъ онаго, мы имѣли

недостатокъ противъ указнаго положенія; но взявъ лишнее количество съ транспорша *Дюнисія*, зимовавшего въ *Петропавловской* гавани, я разчислилъ, что мнѣ можно будетъ пробыть въ морѣ безъ всякой нужды три мѣсяца слишкомъ. И такъ по моимъ расчетамъ плюсъ не имѣлъ никакой другой надобности до начатія описи идши въ *Охотскъ*, кромѣ полученія бумагъ Адмиралтействъ - Коллегіи и Адмиралтейскаго Департамента, относящихся къ сдѣланному мнѣ порученію. Предметъ сей безъ всякаго сомнѣнія былъ весьма важенъ, хотя, по предписанію Морскаго Министра, мнѣ вполнѣ извѣстна была воля Его Императорскаго Величества: я зналъ, какія мѣста долженъ былъ описывать, и что Государю Императору угодно, чтобы онымъ сдѣлано было точнѣйшее описаніе; но какимъ образомъ надобно было произвести въ дѣйство Высочайшую волю, въ томъ я долженъ былъ руководствоваться наставленіями Государственной Адмиралтействъ - Коллегіи; равнымъ образомъ и инструкція Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, хотя служила только дополненіемъ къ той, которую я уже имѣлъ, однакожь могла содержать въ себѣ предписанія и наставленія, безъ коихъ при описи я могъ сдѣлать, по неопытности и по недостатку толь обширныхъ свѣдѣній о здѣшнемъ краѣ, какія имѣетъ Департаментъ, немаловажныя упущенія. Я очень жалѣлъ, что не получилъ прежде упомянутыхъ бумагъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ Министерскимъ, и чувствовалъ всѣ неудобства, отъ неприсылки оныхъ произошли могущія; но съ другой

спороны ясно предвидѣлъ потерю времени, убытокъ для казны и невозможность сдѣлать что либо порядочное, спонущее издержекъ и трудовъ, словомъ сказавъ совершенное упущеніе цѣлаго дѣла, безъ всякой значащей пользы по предмету предпринимаемой экспедиціи, если бы я пошелъ сначала въ *Охотскъ*. Сіе мнѣніе мое основывалось на слѣдующихъ причинахъ:

1) Судя по времени года, когда открывається съ моря доступъ къ *Охотскому* порту, и прибавивъ къ тому время, нужное на перевозъ провізіи, на запасъ прѣсной воды, дровъ и прочаго и на переходъ отъ *Охотска* къ *Южнымъ Курильскимъ* островамъ, я не могъ со всякою поспѣшностію и благопріятствіемъ въпродъ быти на томъ мѣстѣ, съ котораго надлежало начинать опись, прежде первыхъ чиселъ Іюля мѣсяца; слѣдственно Май и Іюнь потеряны.

2) Состояніе шлюпа и нѣкоторымъ образомъ команды требовало, чтобы онъ зимовалъ въ портѣ, гдѣ можно бы было его осмошрѣть, очистишь и исправитьъ, потому что съ самаго ошправленія нашего изъ *Кронштата* въ 1807 году я не имѣлъ случая его разгрузишь и осмошрѣть внутреннія и наружныя подводныя поврежденія; ибо въ *Петропавловской* гавани едва достаешь кое-какихъ дурно выстроенныхъ анбаровъ для помѣщенія провіанта, принадлежащаго гарнизону, а для постороннихъ вещей нѣтъ никакого строенія; и потому всѣ провізіи и матеріалы хранились на шлюпѣ въ теченіе обѣихъ зимъ. Отъ сего завелось невѣроятное множество крысъ, поѣдавшихъ провіантъ и портившихъ за-

пасные паруса, армякъ, бочки и все, что только имъ попадалось. Чтобы истребить ихъ, непременно нужно было шлюпъ совсѣмъ очистишь; да и гнилыхъ членовъ мы нашли много въ шхъ мѣстахъ, кои могли осморѣшь; сверхъ того люди износили все почти свое платье и обувь, и нужно было ихъ обмундировать, чего безъ помощи *Охотскаго* порта невозможно было сдѣлать. Всѣ сіи причины понуждали меня необходимо зимовать въ *Охотскѣ*, куда надобно было прійти въ исходѣ Сентября или по крайней мѣрѣ въ началѣ Октября. Слѣдственно всего времени для описи оставалось около трехъ мѣсяцовъ, самыхъ неблагоприятныхъ (кромѣ Іюля) для сего дѣла.

Всѣ мореплаватели, бывшіе въ здѣшнихъ моряхъ, жалуются на необыкновенные туманы и мрачныя погоды, препящивавшія имъ видѣнь и близко приходившіе къ берегамъ для осмотра и описи оныхъ. Идучи въ прошломъ году въ *Америку*, и возвращаясь опшуда въ *Камчатку* вдоль грады *Алеутскихъ* острововъ по южную сторону ихъ, я самъ испыталъ то же. Кромѣ сихъ препящивій, останавливающихъ мореплавателей въ описи береговъ и острововъ сего края, они бывають здѣсь подвержены еще другимъ, гораздо большимъ и опасѣйшимъ затрудненіямъ: находясь между *Алеутскими* или *Курильскими* островами, отъ чрезвычайно быстрыхъ теченій и неудобноизмѣримой глубины подлѣ самыхъ береговъ сихъ острововъ, (изъ коихъ у многихъ въ разстояніи отъ берега 3 миль полушорасша или двухъ сотъ саженымъ лощ-линемъ дна нельзя доспашь),

дошъ, въ большей части морей служащій вѣрнымъ и надежнымъ показашелемъ приближенія къ землѣ, недѣйствительнѣе, а это, въ соединеніи съ безпрестанными почти шумами, дѣлаетъ плаваніе по здѣшнимъ водамъ весьма опаснымъ. Сіи обстоятельства были мнѣ извѣстны, и заставили меня стараться о выборѣ лучшаго и удобнѣйшаго времени для исполненія данныхъ мнѣ порученій. На сей конецъ я разсматривалъ описанія путешествій извѣстныхъ мореплавателей, кои посѣщали край сей. Вошъ, какъ они объ немъ описались.

Въ 1779 году Англійскій Королевскій суда *Резолюціонъ* и *Дисковери*, по смерти Капитановъ *Кука* и *Кларка* доставшіяся въ команду Капитана *Гора*, отправившись изъ *Авагинской* губы 9 Октября по новому стилю съ намѣреніемъ, между прочими открытіями, относившимся къ цѣли ихъ вояжа, осмотрѣть *Курильскіе* острова; но имъ удалось видѣть только первой и второй изъ сихъ острововъ *Сумиу* и *Паралицирѣ*; прочихъ же, не смотря на всѣ ихъ старанія приблизиться къ онымъ, они не видали, по причинѣ частыхъ сильныхъ вѣтровъ съ западной стороны. Первую землю, послѣ упомянутыхъ двухъ острововъ, они увидѣли на восточномъ берегу *Японіи* къ широтѣ 40° 05' 26 числа Октября.—Капитанъ *Горъ* нестерпиво желалъ осмотрѣть Южные *Курильскіе* острова, но почти безпрестанныя бури въ томъ ему препятствовали.—*Авагинскую* губу оставилъ онъ по старому стилю въ исходѣ Сентября; и такъ можно заключить, что Сентябрь и Октябрь

суть неудобные мѣсяцы для описыванія *Курильскихъ* острововъ.

Лаперузъ, пройдя проливъ между полуостровомъ *Сахалиномъ* и островомъ *Матсимаиъ* (послѣ названный его именемъ), въ половинѣ Августа 1787 года отъ мыса *Анивы* до мыса *Три* острова *Штатенландіи* (земли *Штаповъ*) (1) никакой земли не видалъ, и усмотрѣвъ сей мысъ 19 Августа по новому стилю, видѣлъ послѣ *Компанейскую* землю (2) и *Марианъ* (3) между коими прошелъ, назвавъ сей проливъ именемъ своего фрегата *La Boussole* (*компасъ*); но почти безпрестанные густые туманы препятствовали ему производить дальнѣйшую опись *Курильскихъ* острововъ, и онъ нашелся принужденнымъ, оставивъ свое намѣреніе, идти въ *Камчатку*. На семь пуши не видалъ онъ по причинѣ тумановъ ни одного *Курильскаго* острова, кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ. Это было по старому стилю въ первыхъ числахъ Сентября.

Капитанъ *Сарыгевъ* (4), (въ изданномъ имъ путешествіи по сѣверовосточной части *Сибири*, *Ледовитому морю*, *Восточному Океану* и проч.) пишетъ, что изъ *Аватинской* губы отправились они 6 Августа (по старому стилю) 1792 года, съ намѣреніемъ описывать *Корейское море*, и шли къ *ZW* вдоль *Курильской* гря-

(1) *Итуръ*, *Итуръ* или 19 *Курильскій* островъ.

(2) *Уръ* или 18 островъ.

(3) *Симуиръ* или 16 островъ.

(4) Нынѣ Вице - Адмиралъ.

ды; но сырые туманы препятствовали имъ видѣть землю до 20 числа, а тогда, будучи въ широтѣ $41^{\circ} 23'$, увидѣли они, какъ Г. *Сарытевъ* полагаетъ, островъ *Мариканъ* и нѣкоторыя другіе. Они хотѣли осмошрѣть ихъ, но туманы помѣшали. Позднее время принудило ихъ оставивъ намѣреніе описывать *Корейское* море и возвратиться въ *Охотскъ*. На обратномъ пути видѣли они седьмой островъ и *пикъ* на 12 острове, потомъ видѣли южной край втораго острова и верхи трехъ сопокъ пятаго; но все это являлось въ туманѣ такъ, что они не могли опредѣлить Географическаго сихъ мѣстъ положенія.

Англійскій Капитанъ *Бротонъ*, въ 1796 году, оставивъ *Волканигескій* заливъ, находящійся на южномъ краю *Матсмаа*, плылъ по восточную сторону сего острова, прошелъ между островами *Кунашироу* и *Итуруполоу*, принявъ первой изъ нихъ за часть *Матсмаа*; потомъ, идучи вдоль сѣверо-западнаго берега острова *Итурупа* (*Штатенландіи*) видѣлъ лишь первую половину его протяженія и сѣверо-восточную оконечность, не зная, что они составляютъ одинъ и тотъ же островъ. Потомъ, пройдя вдоль западной стороны *Уррупа* (*Компанейской земли*) и *Симуцира* (*Марикана*) доходилъ до острова *Кетоя*; оттуда воротясь проходилъ по южную сторону *Уррупа*, *Итурупа* и *Кунашира*, не сдѣлавъ никакихъ примѣчаній о берегахъ сихъ острововъ. Сколько впрочемъ велико ни было желаніе Капитана *Бротона* точнѣйшимъ образомъ осмошрѣть сіи столь малоизвѣстныя земли; но онъ не

успѣлъ въ своемъ намѣреніи по причинѣ тумановъ, крѣпкихъ вѣтровъ и вообще неблагопріятной погоды. Плаваніе Капишана *Бротона* по водамъ Южныхъ *Курильскихъ* острововъ происходило въ Октябрѣ мѣсяцѣ.

Капишанъ *Крузенштернъ*, въ 1805 году, возвращаясь изъ Японіи въ *Камчатку*, находился у *Курильскихъ* острововъ въ послѣднихъ числахъ Мая и въ первыхъ Іюня. Потомъ, идучи къ полуострову *Сахалину*, проходилъ онъ мимо ихъ въ первой половинѣ Іюля, а на обратномъ пути въ исходѣ Августа (1). Мнѣ это извѣстно было по картѣ, приложенной къ волажу Капишана *Крузенштерна*, которую я получилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отъ Подштурмана *Курицына*, командира одного изъ судовъ Американской нашей компаніи; но не чинявши второй части его волажа, я не зналъ, какія погоды онъ встрѣтилъ у *Курильскихъ* острововъ.

Впрочемъ, кромѣ сихъ знаменитыхъ мореплавателей, у коихъ я, такъ сказать, заимствовалъ совѣты въ моемъ дѣлѣ, старался я также и здѣсь въ *Камчаткѣ* отыскать людей, бывавшихъ въ мѣстахъ, предназначенныхъ мнѣ для описи, и спрашивалъ ихъ о всѣхъ обстоятельствахъ съ большею подробностію; но отъ людей, незнающихъ мореплаванія и вообще съ весьма ограниченными понятіями, каковы Камчатскіе промысленные, которые одни шолько, вмѣстѣ съ гражданскими чиновниками, ѣздятъ на ближніе обитаемые *Куриль-*

(1) Г. *Крузенштернъ* въ веденномъ имъ журналѣ употребляетъ новой стиль.

скіе острова для сбора ясаковъ и прочаго, мало можно получитьъ нужныхъ мореплавателю свѣденій. Они знаютъ только, что лѣтомъ бываютъ ясные дни и хорошія погоды; но какъ часто и въ какихъ мѣсяцахъ болѣе, обстоятельно сказать не могутъ, ибо, при переѣздахъ чрезъ проливы, одна необходимость заставляла ихъ примѣчать состояніе и перемены погоды и вѣтровъ; а тамъ, добравшись до *Курильскихъ* жилищъ, имъ мало нужды до атмосферы, и они не заботясь о метеорологическихъ замѣчаніяхъ; добыча и сборъ ясаковъ составляютъ все ихъ упражненіе. Но нѣкто Подштурманъ *Андреевъ*, человекъ съ порядочными по своему званію свѣденіями, бывшій съ Лейтенантомъ *Хвостовымъ*, на компанейскомъ суднѣ у *Южныхъ Курильскихъ* острововъ въ первыхъ числахъ Іюня, увѣрялъ меня, что тогда погоды стояли хорошія. Въ прошломъ году я шелъ изъ *Каитатки* въ *Америку* въ Іюнь мѣсяцъ, а возвращался въ Августъ и Сентябрь: въ оба раза имѣлъ я очень часто пасмурныя погоды и туманы, а горизонты почти всякой день были покрыты мрачностію. И такъ все вышесказанное мною о погодахъ на Восточномъ Океанѣ увѣряло меня, что сему морю свойственны туманы, что оныя бываютъ здѣсь часто и продолжительны во всѣхъ мѣсяцахъ безъ исключенія, только въ однихъ чаще нежели въ другихъ, и что здѣсь нѣтъ такого времени года, въ которомъ бы стояли по недѣлѣ сряду хорошіе и ясные дни. Это самое заставило меня думать, что для описи такого пространнаго берега, непременно нужно употребить цѣлое лѣто съ начала

Мая по Октябрь. Для сего надобно стараться, сколько возможно держаться ближе береговъ, если вѣтръ позволяетъ, во всякую погоду, и когда выяснишь или шуманъ прочистишься, потчасъ подходишь къ нимъ вплоть. Иначе въ три года едва ли можно кончишь сію опись, если только упошребляшь на то средніе лѣтніе мѣсяцы, то есть Іюнь и Іюль. Сіи заключенія понудили меня присупить къ дѣлу какъ возможно ранѣе.

Здѣсь упомяну кратко о моемъ планѣ, какъ производить опись. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: Изъ мореплавателей, имѣвшихъ средства опредѣлять долгошу мѣста на морѣ Астрономическими наблюденіями, видѣли *Курильскіе острова Горбъ, Лаперузбъ, Сарытевбъ, Бротонбъ и Крузеништернбъ*. Капитанъ *Горбъ* видѣлъ только два первые ошъ *Калисатки* острова *Сумицу* и *Парамуширбъ*. *Лаперузбъ* видѣлъ *Итурупбъ*, (*Штатенландію*) *Урупбъ*, (*Компанейскую*) и *Симуцирбъ* (*Мариканбъ*). Господинъ *Сарытевбъ* не упоминаетъ въ своемъ путешествіи о опредѣленномъ имъ Географическомъ положеніи острововъ, кои онъ видѣлъ. *Бротонбъ* видѣлъ часть *Матсмая*, *Кунаширбъ*, *Итурупбъ*, *Урупбъ*, *Симуцирбъ*, и *Кетой* издали. Капитанъ *Крузеништернбъ* проходилъ три раза *Курильскими* островами, и судя по шрактамъ его, положеннымъ на картѣ, надобно думать, что онъ видѣлъ съ разныхъ сторонъ всѣ острова ошъ мыса *Лопатки* до острова *Расшуа*, которой, по его картѣ, тринадцатой изъ острововъ *Курильскихъ*. Слѣдовательно вѣще сомнѣнія, чтобы всѣ сіи острова, видѣнные Капитаномъ *Крузеништерномъ*, по широтѣ и дол-

гошѣ не были положены во всѣхъ отношеніяхъ съ величайшею точностію; что же касается до Южныхъ оспрововъ, видѣнныхъ *Лаперзоль* и *Бротонъ*, то они не со всѣхъ сторонъ ими осмотрѣны; слѣдовательно сіи мореходцы не могли опредѣлить настоящаго ихъ мѣстоположенія, а припомъ они не занимались описью оныхъ, и кромѣ *Марикана*, на которой Капитанъ *Бротонъ* одинъ разъ посылалъ шлюбку, не посѣщая ни одного изъ нихъ; чтожъ касается до старыхъ нашихъ мореплавателей и промышленныхъ, учававшихъ своими посѣщеніями *Курильскіе* острова, то спснимъ только сравнимъ карту Капитана *Крузенштерна* Сѣверныхъ *Курильскихъ* острововъ съ прежними картами, изданными съ повѣствованія сихъ господъ, чтобы увѣрились въ недостаткѣ ихъ описей. Нѣкоторые острова въ двухъ мѣстахъ положены подъ разными именами, другіе маленькіе, ничего незначащія, увеличены въ 5 или 10 разъ противъ настоящей своей величины; одни между собою сближены, другіе напротивъ отдалены; словомъ, множество разныхъ грубыхъ ошибокъ наполняютъ всѣ старыя карты *Курильскихъ* острововъ. По симъ причинамъ я положилъ, оставивъ *Каисатку*, идти прямо къ проливу *Надежды* между островами *Матца* и *Расица*, гдѣ повѣривъ свои хронометры по положенію оныхъ (1) если лунныя обсерваціи сдѣлашь сего

(1) Капитанъ *Крузенштернъ* видѣлъ вблизи сіи острова и сопку, находящуюся на *Матца* назвалъ ея *Сарытева*. Изъ этого я заключаю, что онъ опредѣлилъ Географическое положеніе оныхъ съ великою точностію. Слѣдовательно, узнав-

не позволяя, пусшиться вдоль южной гряды *Курильскій* островъ, начавъ опись съ острова *Кетоя*, котораго *Надежда* (1) не видала, и продолжая описаніе каждаго острова одного за другимъ по порядку до самаго *Матсмаа*. Потомъ пройши между островами *Кунаширо* и *Матсмае*, и описавъ всю сѣверную сторону сего послѣдняго до самаго *Лаперузова* пролива, а оттуда пойдя въ виду восточнаго берега полуострова *Сахалина* до самаго мѣста (въ широтѣ $53^{\circ} 38'$) откуда должна начаться опись *Татарскаго* берега, и кончить лѣто описаніемъ сего берега и *Шантарскихъ* острововъ.

Составивъ такимъ образомъ планъ свой, я немедленно спалъ приговариваясь къ походу. Мы прорубили въ *Петропавловской* гавани ледъ, и 25 Апрѣля вывели шлюпъ изъ сей гавани въ *Авагинскую* губу, — а 4 Мая отправились въ путь. Мая 14 достигли мы пролива *Надежды*, то есть предѣла, откуда, по положенію моему, должна была начаться опись. Не спеша описывая ни плаванія нашего между *Курильскими* островами, ни того, какимъ образомъ мы производили опись: для сего предмѣта назначена особая книга (2), скажу только, что до 17 Юня, то есть до дня, когда мы случайно имѣли первое наше съ *Японцами* свиданіе, не

ши долгошу ихъ по нашимъ хронометрамъ, мы могли послѣ, получивъ его, опредѣлить дѣлаемую ими разность, если бы не имѣли лунныхъ наблюденій.

(1) Корабль Капитана *Крузенштерна*.

(2) О которой упомянуто въ примѣчаніи на 1 стр.

взирая на то, что почти безпрестанные густые туманы и сильные неправильныя печенія много препятствовали въ нашемъ дѣлѣ, мы успѣли описать изъ числа *Курильскихъ* острововъ: принадлежавшей *Расица* (1), четырнадцатой *Ушисирѣ* (2), пятнадцатой *Кетой* (3), шестнадцатой *Силиусирѣ* или *Мариканѣ*, семнадцатой два *Тсирпоа* и *Маканторѣ*, и западную сторону осмнадцатаго или *Урупа*.

Теперь, прежде нежели я приступлю къ описанію сношенія нашего съ *Японцами*, и послѣдовавшаго потомъ со мною несчастія, за нужное почитаю сказать нѣчто о существовавшемъ тогда политическомъ отношеніи между *Россією* и *Японією*, какъ оно мнѣ было извѣстно.

Слишкомъ за тридцать лѣтъ предъ симъ на *Алеутскомъ* островѣ *Амгиткѣ*, *Японское* торговое судно претерпѣло кораблекрушеніе. Спасшійся съ него экипажъ, въ числѣ коего находился начальникъ того судна *Кодай*, былъ привезенъ въ *Иркутскѣ*, гдѣ несчастные сіи *Японцы* жили около или болѣе 10 лѣтъ. Наконецъ Блаженной памяти Императрицы *Екатерины Великой* благоудно было приказано отправить ихъ въ отечество изъ *Охотска*, и съ тѣмъ вмѣстѣ попышались о возстановленіи съ *Японскими* Государствомъ торговли ко взаимной выгодѣ обѣихъ Державъ. Высочайшее Именное по-

(1) На картахъ Капишана *Крузенштерна* сіи острова названы по ошибкѣ не своими именами, а именно: *Матауа* (2) *Расица*. (3) *Ушисирѣ*.

велѣніе по сему предмету, данное Сибирскому Генераль-Губернатору *Пилу*, заслуживаетъ особенное вниманіе. Въ немъ, между прочими наставленіями, именно предписано было Генераль-Губернатору отправить въ *Японию* съ посольствомъ малозначащаго чиновника и подарки отъ своего имени, такъ какъ отъ пограничнаго Генераль-Губернатора, а не отъ Императорскаго лица; и при томъ замѣчено, чтобы начальникъ судна былъ не Англичанинъ и не Голландецъ. Въ исполненіе сей Высочайшей воли, Генераль-Губернаторъ *Пиль* отправилъ осенью 1792 года въ *Японию* изъ *Охотска* Поручика *Лаксмана* на транспорть *Екатеринъ* подъ командою штурмана *Ловцова*. *Лаксманъ* присталъ къ сѣверной части острова *Матсмая*, и зимовалъ въ небольшой гавани *Нелуро*, а въ слѣдующее лѣто, по желанію *Японцевъ*, перешелъ въ портъ *Хакодадѣ*, находящійся на южной сторонѣ упомянушаго острова при *Сангарскомъ* (1) проливѣ, откуда сухимъ путемъ ѣздилъ въ городъ *Матсмай*, отстоящій отъ *Хакодадѣ* къ западу на три дни ходу, гдѣ и имѣлъ съ чиновниками, присланными изъ *Японской* столицы, переговоры. Слѣдствиемъ ихъ было слѣдующее объявленіе *Японскаго* правительсва:

1. Хотя по *Японскимъ* законамъ и надлежитъ всѣхъ иностранцевъ, приходящихъ къ *Японскимъ* берегамъ кромѣ порта *Нагасаки*, брать въ плѣнъ и держашъ вѣчно въ неволѣ; но какъ *Русскимъ* сей законъ

1) По точному *Японскому* произношенію: *Тынгарскомъ*.

былъ неизвѣстенъ, а припомъ они привезли спасшихся на ихъ берегахъ *Японскихъ* подданныхъ; по сей законъ надъ ними шеперь неисподнень, и позволяется имъ возвращишься въ свое отечество безъ всякаго вреда, съ тѣмъ, чтобъ впредь къ *Японскимъ* берегамъ, кромѣ *Нагасаки*, не приходили, и даже, если опять *Японцы* случашся бышь въ *Россіи*, то и ихъ не приводили; въ противномъ случаѣ помянутой законъ будеть имѣть свое дѣйствіе.

2. *Японское* Правительство благодаритъ за возвращеніе его подданныхъ въ отечество; но объявляетъ, что *Рускіе* могушь ихъ оставишь или взять съ собою, какъ имъ угодно, ибо *Японцы*, по своимъ законамъ, не могушь ихъ взять силою, предполагая, что люди сін принадлежать тому Государству, къ кошорому они занесены судьбою, и гдѣ спасена жизнь ихъ при кораблекрушеніи.

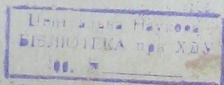
3. Въ переговоры о торговлѣ *Японцы* вступитъ ни гдѣ не могушь, кромѣ одного, назначеннаго для сего, порта *Нагасаки*, и пошому шеперь только даюшь *Лаксману* писменной видъ, съ кошорымъ одинъ Руской корабль можеть прійти въ помянутой портъ, гдѣ будушь находиться *Японскіе* чиновники, должасишующіе съ *Рускими* договариваться о семъ предметѣ.

Съ таковымъ объявленіемъ *Лаксманъ* возвратился въ *Охотскъ* осенью 1793 года. По отзыву его видно, что *Японцы* обходились съ нимъ дружелюбно и съ большею вѣжливостію; оказывали ему разныя по своимъ обычаемъ почести; офицеровъ и экипажъ содержа-

ли на свой щетъ во все время пребыванія ихъ при берегахъ Японскихъ, и при отправленіи снабдили съсланными припасами безъ всякой платы, сдѣлавъ имъ разные подарки. Онъ жалуется на то только, что Японцы, исполняя строго свои законы, не позволяли Рускимъ свободно ходить по городу, и держали ихъ всегда подъ присмотромъ.

Неизвѣстно, почему покойная Государыня не приказала пошчасъ по возвращеніи Лаксмана отправить корабль въ Нангасаки. Вѣроятно, что безпокойства, произведенныя въ Европѣ Французскою революціею, были тому причиною; но въ 1803 году, при нынѣ царствующемъ Императорѣ, посланъ былъ въ Японію Двора Его Величества Каммергеръ Николай Петровичъ Резановъ. Путешествіе Капитана Крузенштерна познакомило съ симъ посольствомъ всю Россію. Написанное въ его книгѣ касательно до сего предмета, и мнѣ было извѣстно, ибо первой томъ сего путешествія, какъ я выше упомянулъ, удалось мнѣ прочитавъ до отправленія моего изъ Камчатки. Я зналъ, что объявленіе Японскаго Правительства, сдѣланное Резанову, состояло въ спрогнѣ запрещеніи Рускимъ судамъ приближаться къ Японскимъ берегамъ, и даже людей ихъ, буде принесены будутъ къ нашимъ предѣламъ, запершили они перевозить на нашихъ корабляхъ, а предложили присылать ихъ, если хотимъ, посредствомъ Голландцевъ.

Г. Резановъ, возвращаясь изъ Охотска въ Камчатку, отправился отсюда въ Америку на компанейскомъ суднѣ, кошорымъ командовалъ Лейтенантъ Хво-

967406

стовъ; ошпуда онъ на слѣдующій годъ съ нѣмъ же офицеромъ возвратился въ *Охотскъ* и поѣхалъ сухимъ путемъ въ *Петербургъ*, но на дорогѣ занемогъ и умеръ; а *Хвостовъ* пошелъ въ море и сдѣлалъ на *Японскія* селенія нападеніе. О всѣхъ сихъ происшествіяхъ упоминается въ предисловіи къ книгѣ подъ заглавіемъ: *Двукратное путешествіе Хвостова и Давыдова* и проч. изданной Его Превосходительствомъ Вице-Адмираломъ *Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ*. Любопытные могутъ тамъ видѣть, какъ дѣло это случилось; но мнѣ достоверно было извѣстно, что Правительство не одобрило поступковъ *Хвостова*; впрочемъ, если бы *Резановъ* и *Хвостовъ* въ живыхъ находились, то, можетъ быть, поступки сего послѣдняго были бы лучше объяснены, но теперь спанемъ держаться старой пословицы: объ умершихъ, кромѣ хорошаго, ничего говорить не должно.

Получивъ повелѣніе описывать *Южныя Курильскіе* острова, зналъ я, что нѣкоторые изъ нихъ заняты *Японцами*, и потому всѣми мѣрами старался, сколько возможно подробнѣе, навѣдаться о всемъ томъ, что *Хвостовъ* у нихъ дѣлалъ, и на сей конецъ разспрашивалъ бывшаго съ нимъ штурмана, котораго ошѣпты увѣрили меня, что оба ихъ нападенія на *Японцевъ* походили не столько на войну просвѣщеннаго народа, сколько на самовольные поступки, и что *Японцы* не имѣющъ ни малѣйшей причины быть увѣрены, чѣмъ такое на нихъ нападеніе двухъ малозначащихъ судовъ, могло быть сдѣлано по волѣ Монарха великой и силь-

ной Державы, о пространствѣ и могуществѣ коей они должны были имѣть ясное понятіе по описанію своихъ единоземцевъ, жившихъ нѣсколько лѣтъ въ *Россіи*. Объявленія помянушаго штурмана совершенно сходствовали и съ тѣмъ, что я о семъ дѣлѣ слышалъ въ первый годъ прибытія нашего въ *Кагатаку* отъ компанейскаго прикащика *Масникова*, бывшаго также съ *Хвостовымъ* въ его экспедиціяхъ. Но не смотря на все это, я не хотѣлъ безъ повелѣнія вышняго начальства имѣть съ *Японцами* никакого сношенія, ни свиданія. Намѣреніе мое было плавать подлѣ береговъ тѣхъ острововъ, которые они занимають, не поднимая никакого флага, дабы не произвести страха и сомнѣнія въ подозрительныхъ *Японцахъ*. Но судьбѣ угодно было все расположить иначе и, вѣроятно, къ лучшему.

Вотъ, въ какомъ отношеніи, сколько мнѣ извѣстно, находилась *Россія* въ разсужденіи *Японіи*, когда я долженъ былъ отправиться къ берегамъ острововъ, въ *Японской* зависимости находящихся. Теперь обращаюсь къ главному предмету моей книги.

Послѣ полудня 17 Іюня, мы находились весьма близко западной стороны сѣверной оконечности острова *Итурупъ*, не зная тогда, что она составляетъ часть сего острова; оконечность сія, напротивъ того, казалась намъ отдѣленнымъ островомъ; ибо заливъ *Сана*, вдавшись далеко внутрь земли, походилъ на проливъ, да и на картѣ Капишана *Бротона*, сія часть берега оставлена подлѣ сомнѣніемъ по неизвѣстности, проливъ ли есть или заливъ. Желая узнать это до-

сповѣрно, приближился мы къ берегу мили на три *Италіанскіа*. Тогда увидѣли на берегу нѣсколько шалашей (по Сибирски *Барабурѣ*.) двѣ большія лодки (байдары) и людей, бѣгающихъ взадъ и впередъ. Полагая, что тушъ живутъ *Курильцы*, отправилъ я для отобранія ошъ нихъ свѣденій объ островахъ и о другихъ предметахъ, до нашего дѣла принадлежащихъ, Мичмана *Мура* и Штурманскаго помощника *Новицкаго* на вооруженной шлюпкѣ съ 4 гребцами; а усмотрѣвъ, что съ берегу ѣдетъ большая лодка къ нимъ на встрѣчу, и не зная, какъ жители хощашъ ихъ встрѣпшишь, я шотчасъ подошелъ со шлюпомъ ближе къ берегу, и шотомъ на вооруженной шлюпкѣ съ Мичманомъ *Акушкинымъ* и съ 4 гребцами поѣхалъ самъ къ нимъ на помощь. Между тѣмъ лодка, встрѣпшивъ первую нашу шлюпку, воротилаь и вмѣстѣ съ нею погребла къ берегу, куда и я пріѣхалъ. На берегу нашелъ я, къ великому моему удивленію, Мичмана *Мура* въ разговорѣ съ *Японцами*. Онъ мнѣ сказалъ, что тушъ ешъ нѣсколько нашихъ *Курильцевъ* съ шринадцатаго острова или *Расшица*, занесенныхъ сюда въ прошломъ лѣтѣ погодою, которыхъ *Японцы*, продержавъ около года въ заключеніи, рѣшилиь наконецъ освободить. Теперь они приведены были на сіе мѣсто подъ ковшомъ *Японскихъ* солдатъ, съ тѣмъ, штобъ при первомъ благополучномъ вѣтрѣ отправиться имъ отсюда на лодкахъ къ своимъ островамъ. Господинъ *Мурѣ* показалъ мнѣ *Японскаго* Начальника, сповывшаго на берегу саженахъ въ 40 ошъ своихъ падашокъ къ морю; онъ былъ окруженъ 18 или 20

человѣками въ лапахъ и вооруженными саблями и ружьями; каждой изъ нихъ въ лѣвой рукѣ держалъ ружье у ноги безъ всякаго порядка, какъ кто хопѣлъ, а въ правой два тонкіе зажженные фишля. Я ему сдѣлалъ привѣтствіе по нашему обыкновенію поклономъ, а онъ мнѣ поднятіемъ правой руки ко лбу и небольшимъ наклоненіемъ впередъ всего тѣла. Мы говорили посредствомъ двухъ переводчиковъ: первый былъ одинъ изъ его воиновъ, знавшій *Курильскій* языкъ, а другіе наши *Курильцы*, умѣвшіе немного говорить по *Руски*. *Японскій* Начальникъ сдѣлалъ мнѣ сперва вопросъ: зачѣмъ мы пришли къ нимъ: если торговать, а не съ худымъ прошивъ нихъ намѣреніемъ, (1) то чѣмъ бы шли далѣе вдоль берега за сопку, гдѣ находится главное сего острова селеніе *Урбитъ*. На это велѣлъ я ему сказать, что мы ищемъ безопасной для нашего судна гавани, гдѣ могли бы запастись прѣсною водою и дровами, въ коихъ имѣемъ крайнюю нужду, а получивъ нужное намъ количество воды и дровъ, шпшчасъ оспавимъ ихъ берега (2); впрочемъ опасаться насъ они не

- (1) Нашъ переводчикъ выражалъ этотъ вопросъ: „съ добрымъ умомъ или съ худымъ умомъ вы пришли сюда?“
- (2) Такое объявленіе я сдѣлалъ для того, чѣмъ подъ видомъ опыскиванія удобной гавани, могъ обойти кругомъ всѣхъ острова и сдѣлать имъ точиѣйшую опись; настоящей же причины нашего къ нимъ прихода, никакъ невозможно было открыть *Японцамъ*. Такой народъ не можешь вообразить, какое дѣло поспороннему Государству посылать суда для описанія чужихъ земель изъ одного любопытства безъ всякаго другаго намѣренія. Они шпшчасъ взяли бы подозрѣніе.

должны, ибо судно наше есть Императорское, а не купеческое, и мы не намѣрены причинять имъ никакого вреда. Выслушавъ мой отвѣтъ со вниманіемъ, онъ сказалъ, что *Японцы* имѣютъ причину бояться *Рускихъ*, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ симъ *Рускія* суда два раза нападали на *Японскія* селенія, и все, что въ нихъ ни нашли, то или увезли съ собою или сожгли, не пощадивъ даже ни храмовъ, ни домовъ, ни свѣсныхъ припасовъ; а какъ пшено, главная и единственная ихъ пища, привозится на островъ изъ *Японіи*, нападеніе же на нихъ сдѣлано было одно поздно осенью, когда суда ихъ въ море не ходятъ и новаго запаса на зиму привести не могли; а другое рано весною, прежде нежели пришли суда; припомъ и жилища ихъ были выжжены, и потому *Японцы* принуждены были много претерпѣть отъ голоду и холоду, до того даже, что многіе лишились жизни; слѣдовательно невозможно, чтобы *Японцы*, видя *Русское* судно столь близко своихъ береговъ, были покойны и не боялись. На этотъ вопросъ отвѣчавъ было трудно посредствомъ такихъ плохихъ переводчиковъ, каковы были *Курильцы*, однакожь я спарался вразумить имъ мои мысли, и желалъ, чтобы они постарались пересказать мои слова сколько возможно точнѣе. Я спросилъ *Японскаго* Начальника, если бы ихъ Государь хотѣлъ на какой нибудь народъ идти войною, то много ли бы судовъ и людей онъ послалъ? Отвѣтъ его былъ: не знаю. Но судовъ пять или десять послалъ бы? спросилъ я. Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, засмѣявшись, много послалъ бы, очень много. — Слѣдова-

тельно, какъ же *Японцы* могутъ думать, продолжалъ я, чтобы Государь *Рускій*, обладающій такою обширною землею и великаго множества народа, могъ послать два суднишка вести войну съ *Японією*; и потому они должны знать, что суда, сдѣлавшія на нихъ нападеніе, были купческія и всѣ тѣ люди, копорые ими начальствовали и управляли, не принадлежали къ службѣ Императорской, а занимались звѣриными промыслами и торгами, напали на *Японцевъ* и ограбили ихъ самовольно, даже безъ вѣдома послѣднихъ нашихъ Начальниковъ; но коль скоро поступки ихъ стали извѣстны начальству, то дѣло было изслѣдовано и виновные наказаны по нашимъ законамъ; доказательствомъ сему можешь послужить и то, что суда сіи, сдѣлавъ два набѣга, копорые оба имѣли совершенной успѣхъ, болѣе уже не являлись въ теченіе 3 лѣтъ; но еслибъ Государь нашъ имѣлъ причину и желалъ объявить *Японцамъ* войну, то множество судовъ приходило бы къ нимъ всякой годъ откуда не получили бы того, чего требовали. *Японецъ*, принявъ веселый видъ, сказалъ, что онъ радъ это слышать, всему, что я ему говорилъ, вѣритъ и остается покоенъ; но спросилъ, гдѣ теперь тѣ два человѣка, копорыхъ увезъ у нихъ *Хвостовъ* и не привезли ли мы ихъ съ собою. Они бѣжали изъ *Охотска* на лодкѣ, ошвѣчалъ я, и гдѣ скрылись, неизвѣстно. Наконецъ онъ намъ объявилъ, что въ семъ мѣстѣ нѣтъ для насъ ни дровъ, ни хорошей воды (что мы и сами видѣли), а если я пойду въ *Урбинтъ*, то тамъ могу получить не только воду и дрова, но

сорочинское пшено и другіе съѣстные припасы, а онъ для сего дастъ намъ письмо къ Начальнику того мѣста. Мы его поблагодарили и сдѣлали ему и приближеннымъ къ нему чиновникамъ подарки, состоявшіе въ разныхъ *Европейскихъ* вещахъ, а онъ насъ ошдарилъ свѣжею рыбою, кореньями *сараню*, дикимъ чеснокомъ и фляжкою *Японскаго* напѣшка *саги* (1), которыми подчивалъ насъ, отвѣдывая напередъ самъ, а я пошлъ Начальника и всѣхъ его товарищей Французскою водвою, выпивъ сперва самъ по *Японскому* обыкновенію, дабы показашъ, что въ ней нѣтъ ничего опаснаго для здоровья. Они пили съ большимъ удовольствіемъ, прихлебывая понемногу и прищелкивая языкомъ. Принимая отъ меня чашечку, изъ которой пили, они благодарили небольшимъ наклоненіемъ головы впередъ и поднятіемъ лѣвой руки ко лбу. Я взялъ у одного изъ нихъ фишиль, чтобы посмошрѣть его, и когда сшалъ ему ошдавать, изъявляя знаками вопросъ, можно ли мнѣ отъ него немного ошрѣзать, то они мнѣ всѣ пошчасъ предложили весь мотокъ. Начальникъ ихъ, видя, что мнѣ желательнo посмошрѣть ихъ ставку, пошчасъ повелъ меня шуда. Она состояла изъ весьма длинной, невысокой, крышой соломенными или правянными машами палатки, разгороженной поперегъ на многія ошдѣленія, изъ коихъ въ каждое входъ былъ особенный съ южной

(1) Напѣшковъ *саги* дѣлается изъ сорочинскаго пшена; вкусомъ непротшвенъ и неарѣпокъ, однакожъ отъ большаго количества оаго можешъ ошпанѣть и пріобывшій къ крѣпкимъ напѣшкамъ человекъ.

стороны; оконъ не было, а свѣтъ проходилъ дверьми. Его опѣдѣніе находилось на восточномъ краю; полъ въ ономъ устланъ очень чистыми машами, на которыя мы сѣли, поджавъ ноги, какъ поршніе; въ срединѣ посна-вили большую жаровню и принесли ящикъ въ чохлѣ изъ медвѣжьей кожи, шерстью наружу. Начальникъ положиъ двѣ свои сабли въ сторону и счалъ снимающъ кушакъ; примѣшивъ, что онъ собирается угощать насъ не на шупку, а на дворѣ спановилось поздно, и шлюпъ былъ слишкомъ близко къ берегу для ночнаго времени, я поблагодарилъ его за ласковой пріемъ, велѣлъ сказать, что пріѣду къ нему въ другой разъ, а теперь остаться не могу, и пошелъ къ шлюпкѣ. Когда я былъ съ Начальникомъ на берегу, ко мнѣ подошелъ съ большимъ подобострастіемъ и униженіемъ пресварѣлый *Таіонъ* или старшина мохнатыхъ *Курильцевъ* въ сей части острова; ихъ путь было обоего пола человекъ до 50; они показались намъ такъ угнетены *Японцами*, что пронуться съ мѣста не смѣютъ; сидѣли въ кучѣ и смотрѣли съ робостію на своихъ повелителей, съ которыми иначе говорить не смѣли, какъ стоя на коленяхъ, положиа обѣ руки ладонями на ноги немного выше коленъ и наклонивъ голову низко, а всѣмъ тѣломъ нагнувшись впередъ. Наши *Курильцы* съ нами говорили съ такими же знаками почтенія, какъ и съ ними. Я желалъ на свободѣ съ ними поговорить и сказалъ, чтобы они пріѣхали къ намъ, если это не будетъ противно *Японцамъ*, и не причинитъ имъ самимъ вреда; впрочемъ велѣлъ я, чтобы они увѣрили *Японцевъ* въ

нашемъ дружескомъ къ нимъ расположеніи, и что мы ненамѣрены дѣлать имъ ошнудъ никакого вреда. *Курильцы* пересказали имъ мои слова; но за точность перевода я ручаться не могу. Въ отвѣтъ же они мнѣ объяснили, что *Японцы* насъ боялся и не вѣряя, чтобъ мы къ нимъ пришли съ добрымъ намѣреніемъ (или съ добрымъ умомъ, какъ они говорили); но подозрѣваютъ, что мы съ такимъ же *худымъ умомъ* пришли, съ какимъ приходили къ нимъ суда *Хвостова*. Я желалъ болѣе о семъ дѣлъ развѣдать, и сказала *Курильцамъ*, чтобъ они поговорили съ *Японцами* и узнали, что они объ насъ думаютъ, а потомъ пріѣхали къ намъ. Мы возвратились на шлюпъ въ 7 часовъ вечера, а *Курильцы* пріѣхали черезъ часъ послѣ того; ихъ было двое мужчинъ, одна женщина и дѣвочка лѣтъ четырехъ. Мужчины оба говорили по *Руски* столько, что насъ понимали, и мы ихъ могли разумѣть безъ затрудненія. Они намъ привезли обѣщанное письмо *Японскаго* Начальника къ главному Командиру въ *Урбистъ*, увѣряя, что оно содержишь извѣщеніе о приходѣ нашемъ сюда не съ злымъ, а добрымъ намѣреніемъ, и сказали, что шпчасъ по отъѣздъ нашемъ изъ селенія, *Японцы* оправили въ *Урбистъ* съ подобнымъ извѣстіемъ байдару (большую лодку), которую мы и сами видѣли, когда она оправилась. Письмо было писано на подешой бѣлой бумагѣ, и сложено кувертомъ длиною въ $6\frac{1}{2}$, а шириною въ $2\frac{1}{4}$ дюйма; кувертъ былъ сдѣланъ такимъ образомъ, что съ одной стороны бумаги оставался треугольникъ, которой краями былъ прикѣленъ къ

той стороной, а верхнимъ оставшимся угломъ длиною въ полдюйма загнуть на другую сторону, гдѣ края также приклеены, а на самой вершинѣ положенъ черными чернилами штемпель; надпись была сдѣлана съ обѣихъ сторонъ. Сверхъ того вотъ какія вѣсти *Курильцы* намъ сообщили: *Японцы* не хотѣя вѣрить, что мы пришли къ нимъ за какимъ нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ намѣренія ихъ грабить, утверждались въ своемъ подозрѣніи на прежнемъ примѣрѣ; рассказывая о семъ поступкѣ *Рускихъ*, они обыкновенно говорятъ: *Рускіе* на насъ напали безъ вины, перебили много людей, нѣкоторыхъ захватили, разграбили и сожгли все, что у насъ было; они не только что опьянели у насъ обыкновенныя вещи, но даже лишили всего нашего пшена и саги (1) и оставили насъ несчастныхъ умирать съ голоду; а потому, по увѣренію *Курильцевъ*, *Японцы*, пребывая въ полномъ убѣжденіи, что *Россіяне* рѣшились дѣлать имъ всякое возможное зло, подозрѣваютъ, что и мы пришли къ нимъ съ такимъ же намѣреніемъ, почему они давно уже все свое имущество отправили внутрь острова. — Вѣсть сія крайне огорчила всѣхъ насъ; однакожъ *Курильцы* утѣшали насъ увѣреніемъ, что не всѣ *Японцы* такъ мыслятъ о *Рускихъ*; но что одинъ только здѣсь находящійся при нихъ Начальникъ и товарищи его считаютъ *Рускихъ* грабителями и бояться ихъ,

(1) Единственная ихъ пища и питье въ здѣшнихъ мѣстахъ.

чему конечно чрезвычайная шрусость сихъ людей причиною. Въ доказательство сего, они рассказали намъ свои приключенія: въ прошломъ лѣтѣ привело ихъ сюда бурю; *Японцы* ихъ взяли и посадили въ тюрьму, предлагали имъ множество вопросовъ касательно сдѣланнаго на нихъ *Русскими* нападенія, на которые они отвѣчали, что *Курильцы* въ поспушкахъ *Русскихъ* никакого участія не имѣли; припомъ слышали они въ *Камгаткѣ*, что Начальники тѣхъ судовъ, которыя ихъ грабили, были промышленные, а не Государевы офицеры, и нападеніе сдѣлали безъ приказу, за что Исправникъ (1) отобралъ отъ нихъ *Японскія* вещи и положилъ въ Государевы *балаганы* (магазины), а ихъ самихъ посадилъ въ тюрьму. Послѣ сего объявленія, (продолжали *Курильцы*) *Японцы* сдѣлались къ нимъ добрѣе, спали ихъ лучше содержашъ и наконецъ ведѣли немедленно отпустить, одаривъ пшеномъ, сагою, табакомъ, плащемъ и другими вещами, а теперь они сюда привезены съ тѣмъ, чтобы имъ съ первымъ благопріятнымъ вѣтромъ отправиться на свои острова. Между прочими разговорами, когда они сдѣлались посмѣле отъ двухъ рюмокъ водки, часто упоминали они, что имѣють крайнюю нужду въ порохѣ, что имъ зимою не чѣмъ будетъ промышлять звѣрей, и что *Япони* (такъ они называютъ *Японцевъ*) все имъ даютъ кромѣ пороху. Частое повтореніе о порохѣ нетрудно было понять:

(1) По мнѣнію сихъ людей, Исправникъ долженъ быть одинъ изъ первыхъ Государственныхъ чиновниковъ въ *Россіи*.

они хотѣли его просить у меня но не смѣли, а я будучи увѣренъ, что они имѣютъ въ немъ надобность дѣйствительно только для промысловъ, подарилъ имъ $1\frac{1}{2}$ фунша мѣлкаго Англійскаго пороху, прибавивъ къ тому еще табаку, бисеру и сережекъ. Позднее время не позволяло мнѣ продолжашъ съ ними разговоръ, и я опустилъ ихъ въ то часу на берегъ, сказавъ, чтобъ они сколько возможно спарались изъясниться съ *Японцами*, и увѣрилъ ихъ въ нашемъ миролюбивомъ и дружескомъ къ нимъ расположеніи. Между тѣмъ, какъ *Курильцы* у насъ гостили, я посылалъ на берегъ Мичмана *Филатова*, давъ ему табаку, чтобъ достать *герелиши* и *сараны* ошъ мохнашыхъ *Курильцевъ*. Онъ скоро возвратился и привезъ нѣсколько пучковъ, которые я велѣлъ оставить для больныхъ. Тишина, во всю ночь на 18 число продолжавшаяся, не позволила намъ удалиться ошъ берега, а рано по утру увидѣли мы ѣдущую къ намъ байдару подъ флагомъ. Думая, что *Японцы* хотятъ насъ посѣтить, мы приготовились принять ихъ, и показавъ, что мы ихъ ожидаемъ, я велѣлъ опустить паруса, хотя, по причинѣ безвѣтрія, настоящей нужды въ шомъ и не было. Около 8 часовъ байдара подѣхала къ намъ сподъ близко, что вмѣсто флагу видѣнь былъ бѣлой кусокъ *мата* или рогожки, а вскорѣ послѣ того узнали мы старыхъ своихъ друзей, *Курильцевъ*, всѣхъ тѣхъ же, которые и вчера насъ навѣстили; съ ними былъ еще одинъ молодой мужчина, которой называлъ себя *Александръ Максимовичемъ*. Мужчины были одѣшны въ *Японскихъ* длинныхъ и очень широкихъ хала-

шахъ, съ короткими, широкими же рукавами; халаты сіи сшиты изъ толстой бумажной матеріи синяго цвѣта съ частыми сѣроватыми полосками, а женщина одѣта была въ *паркѣ* (1) сшитой изъ пичихихъ шкуръ; на спинѣ у ней, для украшенія, висѣли въ нѣсколько рядовъ носы *топорковѣ* (2); на головѣ былъ бумажной плашокъ. Мушны были съ открытыми головами; на ногахъ *торбасы* или Рускіе бахилы, сдѣланные изъ горла сивучей. Есаулъ на шлопѣ вошелъ босой, но прежде нежели поклонился или спалъ съ нами говорить, сѣлъ на шкафутѣ, надѣлъ свои *торбасы*, а потомъ подошелъ ко мнѣ и присѣлъ съ такимъ же подобострастіемъ, какъ они кланяются *Японцаибѣ*. Изъ сего я заключилъ, что у нихъ неучиво босому показаться людямъ, которыхъ они уважаютъ. Человѣкъ онъ лѣтъ 50 и по видимому очень дряхлой; маленькую дочь свою во все время таскалъ онъ у себя за спиною въ своемъ халатѣ, придерживая веревкою, кругомъ его обвязанною, которая обыкновенно была противъ груди съ переди, а когда надобно было ему дѣйствовать руками, то, чтобы сжимая плеча, она не мѣшала, онъ поднималъ ее на лобъ, для чего въ томъ мѣстѣ, гдѣ веревка должна касаться лба, пришитъ былъ къ ней широкій ремень. Мушны имѣли большіе густые черные, какъ уголь, волосы и бороды; волосы они такъ носили, какъ наши ямщики; искусственныхъ украшеній никакихъ у нихъ на лицѣ и на тѣлѣ не было, а у женщины рошѣ

(1) Родъ Калитадальской одежды.

(2) *Топорковѣ* или морской попугай.

кругомъ по губамъ на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ дюйма выкрашенъ синею краскою и также испещрены руки. Они привезли къ намъ къ гостинецъ два пуда рыбы *кунжи* и прески, нѣсколько *сараны* и *тередиши*.

Первой вопросъ мы имъ сдѣлали о *Японцахъ*, и узнали, что Начальникъ ихъ, въ слѣдствіе подаренной ему мною бушылки водки, весь вечеръ и ночь до самаго ушра весьма покойно и крѣпко спалъ; но прочіе во всю ночь не спали и стояли въ ружьѣ. Подозрѣнія своего въ дурныхъ нашихъ противъ ихъ замыслахъ они не осмѣиваютъ, и грозятъ *Курильцамъ*, что если мы на нихъ сдѣлаемъ нападеніе, то они имъ головы опрубятъ, такъ какъ Рускимъ подданнымъ, для чего и оппустили ихъ къ намъ всѣхъ, а нѣкоторыхъ оставили у себя подъ сѣражею, равно какъ и эшихъ во всю ночь караулили, а по ушру послали сами нарочно къ намъ, чшобъ точнѣе вывѣдать, зачѣмъ мы пришли и чего хотимъ. Въ сей разъ *Курильцы* наши сбились въ словахъ, и признались, что ихъ сюда не погодою занесло, а пріѣхали они къ *Японцамъ* торговать, что въ старые годы имъ позволялось, но нынѣ, по причинѣ непріятельскихъ поступковъ со стороны *Рускихъ*, *Японцы* ихъ захватили и поступили съ ними, какъ выше описано, а потомъ велѣли опустить, давъ имъ на дорогу 20 мѣшковъ пшена, *саги* и табаку: хошя имъ возвращена была свобода, но дурныя погоды мѣшали имъ уѣхать до нашего приходу; нынѣ же *Японцы* хошящъ опять ихъ держашъ съ шѣмъ, что онѣ головами своими должны будущъ ошвѣчать за на-

ши дурные противъ нихъ поступки. Они прѣхали къ *Японцамъ* въ числѣ 7 мужчинъ, 6 женщинъ и 2 ребѣнъ, изъ коихъ во время ихъ пребыванія на семъ острову опѣ заключенія въ шѣсномъ мѣстѣ умерло 3 мужчины и 3 женщины; они не умѣли назвать по *Руски* болѣзни, бывшей причиною ихъ смерти, но по описанію должна по быть цынга и слабость. Однакожъ *Японцы* предлагали поощреніе о сохраненіи ихъ здоровья, и имъ удалось побывать въ рукахъ *Японскихъ* врачей. Одинъ изъ *Курильцевъ* имѣлъ опухоль въ рукахъ, а въ ногахъ судороги, такъ что, ноги притягивало икрами влопъ къ заднимъ частямъ лядей. Его лечили бросаніемъ крови, сначала вдругъ изъ обѣихъ ногъ, а послѣ изъ рукъ, изъ одной послѣ другой. Впрочемъ, по незнанію выражений, не могли они описать ни инструментовъ, ни средствъ, употребленныхъ *Японцами*; только они сего *Курильца* вылечили.—Онъ жаловался лишь на то, что послѣ сей болѣзни не спало у него, такъ онъ изъяснялся, мяса ни на рукахъ, ни на ногахъ. По мнѣнію нашего лекаря Г. *Бранда*, (человѣка въ своемъ дѣлѣ весьма искуснаго), этому должна быть другая причина. Разсказывая свои приключенія, они часто сбивались и противорѣчили другъ другу; наконецъ спали меня просишь взять ихъ съ собою и отвезти на ихъ островъ *Расица*, потому, что они имѣютъ крайнюю нужду шамъ быть. На вопросъ мой, если я ихъ возьму, что тогда будетъ съ ихъ шоварищами, двумя женщинами и ребенкомъ, оставшимися на берегу у *Японцевъ*, они молчали, но скоро опять возобновляли свою просьбу,

говоря, что *Япони ихъ убьютъ*. Вчера ни слова не было ими сказано намъ о нуждахъ ихъ ѣхашъ скоро на свой островъ, а только лишь швердили, что пороку нѣтъ и что не знаютъ, чѣмъ имъ промышляишь на *Урупѣ*. Дурная погода, препятствовавшая имъ отпра- виться, была также сущая ложь. Имъ неизвѣстно было, что мы давно уже въ сосѣдствѣ ихъ плаваемъ и очень знаемъ, когда какія погоды спояли; крѣпкихъ вѣтровъ давно не было, и туманы случались не такъ часто, чтобы съ острова на островъ не лзя было ѣхашъ, а особливо съ *Итурупа* на *Урупѣ*, гдѣ перевздъ менте 25 верстъ, а припомъ туманы имъ неопасны, пошому что у нихъ былъ компастъ, которой мы видѣли. Они его привозили къ намъ и берегутъ какъ глазъ, не ославляющъ даже въ лодкѣ, а выносяишь съ собою (1). По всѣмъ ихъ рассказамъ, изъ коихъ многіе не спояишь того, чтобы объ нихъ здѣсь упоминаишь, можно было догадываться о ихъ положеніи: коль скоро *Японцы*, подозрѣвая, что мы хотимъ напасъ на ихъ селенія, сказали объ этомъ *Курильцамъ* и погрозили ихъ на- казать за наши поступки, то они, имѣя причину так- же объ насъ дурно мыслишь, какъ и *Японцы*, спали опасашъ, чтобы не потеряишь голову, для спасенія ко- ихъ желали лучше быишь у насъ, ославля на жершву

(1) Компастъ сей былъ въ кругломъ фушлярѣ, діаметромъ дюй- ма три; каршуска раздѣлена на румбы безъ градусовъ, и раскрашена, вмѣсто стекла слюда. Фушлярчикъ компас- ной они храняишь еще въ ящикѣ съ задвижною крышкою; по ихъ словамъ, получили они его въ *Камгатакѣ*.

своего поварища, двухъ женщинъ и ребенка, почему и просили меня взять ихъ съ собою. Я старался ихъ убѣдить, что имъ *Японцевъ* бояться нѣчего; мы имъ ни малѣйшаго зла не желаемъ и не сдѣлаемъ, слѣовательно и они нашимъ вредить не захотятъ; что мы только сыщемъ гавань, запасемся водою и дровами, и попомъ оставимъ берега ихъ въ покоѣ, и что въ *Урбитѣ* мы постараемся своими поступками увѣрить *Японцевъ* въ нашей къ нимъ дружбѣ, почему и совѣщавалъ имъ, ничего не боясь, ѣхать на берегъ. Для Начальника *Японскаго* послалъ я въ подарокъ 4 бушлыки Французской водки, узнавши, что имъ ошмѣнно нравились сей напитокъ. — При разсѣваніи я предложилъ, не хочешь ли одинъ изъ нихъ остаться на шлюпѣ, чтобы показать намъ гавань въ *Урунѣ*, и если пойдемъ въ *Урбитѣ*, служить переводчикомъ; на предложеніе мое они всѣ шопчасъ согласились остаться, но сего не лѣзя было сдѣлать, и такъ рѣшено оставаться *Алексѣю*, а прочимъ ѣхать на берегъ. Они такъ увѣрены были въ нашемъ намѣреніи непріятельски поступить противъ *Японцевъ*, что передъ отъѣздомъ одинъ изъ нихъ уведомилъ насъ, хотя прежде о томъ ни слова не говорилъ, будто они слышали, что въ *Урбитѣ* пошланы пушки, и коль скоро *Рускіе* покажутся, то станутъ стрѣлять, а черезъ минушу пошлѣ другой сказалъ намъ, что тамъ у нихъ одна только пушка. Къ полудню вѣсело спалъ изрядно душой ошъ Z. Погода была свѣтлая, и такъ, чтобы успѣть осмотрѣть восточной берегъ *Уруна*, опиравивъ нашихъ гостей,

мы поставили всѣ паруса и пошли къ О. Но оставивъ ихъ отъ насъ на полмили или на версту, мы увидѣли, что они стояли въ байдарѣ съ поднятыми, вверхъ руками, махали намъ и громко что-то кричали. Думая, что байдара шонешъ, я велѣлъ шотчасъ остановиться. Они прѣехали къ намъ опять очень благополучно, только для того, чтобы сказать, что они боялись *Японцевъ*, которые ихъ убьютъ, если мы сдѣлаемъ имъ что либо дурное. Надобно было снова ихъ уговаривать; наконецъ рѣшились они ѣхать съ величайшею робостію, не оставляя мысли, что мы покусимся разбить *Японцевъ*. Последнее прощаніе съ нами сихъ жалкихъ бѣдняковъ очень меня пронудило; они кричали намъ съ байдары своей: „прощайте, мы вамъ наловимъ рыбы, наберемъ *теремши* и *сараны*, и будемъ васъ ожидать, если *Японцы* не убьютъ насъ!“

Отъ *Итурупа* пошли мы къ восточному берегу *Урупы*, у котораго для описи провели три дни, а потомъ хотѣли возвратиться къ *Урбиту*, но въшры не позволяли пройти проливомъ *де Фриза*, а посему и стали мы держась къ югу вдоль восточнаго берега *Итурупа*, для описи сего острова. Между тѣмъ, по необходимости, мы должны были усилить подозрѣніе нашего *Курильскаго* лопмана въ томъ, что хотимъ напасть на *Японцевъ*; я съ моей стороны охотно бы старался въ другихъ случаяхъ искоренять изъ него такую мысль, но въ такомъ дѣлѣ этого миновать было не лзя. Когда день былъ тихій, со свѣтлою, сухою погодою, мы обучали команду абордажной экзерциціи

съ настоящею пальбою; коль скоро *Кирилсѣѡ* нашъ увидѣлъ всѣхъ въ ружьѣ, одно ошдѣленіе съ большими мушкетонами, другое съ малыми, прешье съ пистолетами и пиками и проч. то, при видѣ такого, по его понятіямъ, множества оружія, не могъ онъ скрыть своего удивленія. Мы старались увѣрить его, что сами боимся нападенія на насъ *Японцевѡ*, и для того готовимся защищаться, а имъ отъ насъ вреда никакого не будетъ, если они обойдутся съ нами дружески. Онъ хотя и качалъ головою въ знакъ согласія, но про себя совсѣмъ не то думалъ. Впрочемъ часто онъ самъ открывалъ намъ нечаянно такія вещи, въ копорыхъ на вопросы наши заирался и приходилъ въ замѣшательство; напримѣръ: онъ не хотѣлъ признаваться, какимъ образомъ они прежде производили торговлю съ *Японцами*, когда мы его о томъ прямо спрашивали, а послѣ, между посторонними разговорами и особливо за чаемъ, самъ рассказывалъ, почему за какіе товары *Японцы* имъ платили, не помышляя нисколько, что объявлялъ шайну, которую прежде хотѣлъ скрыть. Я былъ очень доволенъ, что мы могли, не приводя его въ замѣшательство, и не причиняя страха нашему гостю, узнать въ обыкновенныхъ разговорахъ все, что только нужно было, и что вредить ему никакъ не могло, а потому я не смалъ его спрашивать ни о чемъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ всеобщихъ вопросовъ, иначе какъ заведя сначала постороннюю рѣчь; симъ способомъ, при разныхъ случаяхъ, я отъ него узналъ, что торгъ съ *Японцами* до разрыву съ нами они дѣйствительно

производили постоянно и правильно, такъ какъ бы онъ былъ учрежденъ публичными актами двухъ Государствъ, а можешь быть, еще и съ лучшимъ порядкомъ и съ большею честностію. *Курильцы* возили къ *Японцамъ* на промѣнъ бобровыя и нерпячю (шюленью) кожи, орлиныя крылья и хвосты; а иногда лисицъ, кошорыхъ однакожъ *Японцы* покупають рѣдко и за дешевую цѣну; онъ нихъ же получали сорочинское пшено, бумажныя машеріи, плаще (главное, халаты) плашки, табакъ, куришельныя трубки, деревянную лакированную посуду и другія мѣлочи. Пшено мѣряется у *Японцевъ* мѣшками, большимъ и малымъ; при малыхъ мѣшка составляютъ одинъ большой, кошорой, по описанію *Курильцевъ*, такъ тяжель, что одинъ человекъ съ нуждою его поднимаетъ, слѣдственно можно положить, пуда въ чешыре; мѣна товаровъ происходила по взаимному согласію съ обѣихъ споронъ безъ всякой обиды и припѣсненія; цѣны вообще почти всегда постоянны и одинаковы: обыкновенно *Японцы* давали *Курильцамъ*:

За одного полнорослаго бобра 10 большихъ мѣшковъ сорочинскаго пшена.

За шюленью кожу семь малыхъ мѣшковъ.

За десять орлиныхъ хвостовъ 20 малыхъ мѣшковъ или шелковой халатъ.

За три орлиныя хвоста даютъ бумажной халатъ съ такою же подкладкою и съ вапою въ срединѣ.

За 10 орлиныхъ крыльевъ папушу табаку, до кошораго *Курильцы* великіе охотники. Они вообще кла-

душь его за губу, нѣкоторые нюхаютъ, а другіе и курить научились у *Японцевъ* изъ такихъ же трубокъ.

Японцы употребляютъ крылья и хвосты орлиныя для своихъ спиртъ, почему они у нихъ ошмѣнно цѣнны; впрочемъ въ большомъ уваженіи и по весьма дорогимъ цѣнамъ продаются у нихъ разныя Европейскія вещи, которыхъ *Курильцы* не имѣютъ. Главныя изъ нихъ алое или красное и другихъ цвѣтовъ сукна, стекляная посуда, янтарныя и бусовыя ожерелья, спальныя вещи и прочее. Алое сукно употребляютъ они для знатныхъ гостей, разспилая кусокъ онаго въ квадратъ на аршинъ и болѣе на томъ мѣстѣ, гдѣ гость долженъ сидѣть, а изъ другихъ суконъ шьютъ плащѣ.

Съ меньшею откровенностію госпъ нашъ *Алексѣй Максимовичъ*, когда кшаши и обиняками заставляли его о томъ говорить, рассказывалъ намъ о успѣхахъ своихъ промысловъ; также о способахъ, какими они производятъ ихъ и о своемъ прокормленіи. Онъ жаловался, что нынѣ бобровъ стало мало, въ чемъ вѣришь ему очень можно, и даже одно это показаніе доспашочно вселитъ довѣренность къ другимъ его рассказамъ; ибо и на *Алеутскихъ* островахъ и на *Американскои* берегу, занимаемомъ рабочниками промышленности тамъ компаніи, сихъ живущихъ нынѣ не стало. Они всѣ, испугавшись человѣческаго гоненія и взору, удалились далѣе къ югу въ проливы, разсѣянные между безчисленными островами, окружающими сѣверо-западные берега *Америки*. Лѣтомъ, когда море бываетъ

покойно и позволяет безопасно ѣздить и опдалаться отъ береговъ на байдарахъ, *Кирильцы* бьютъ бобровъ стрѣлами, а зимою у берега стрѣляютъ ихъ ружьями или ловящъ сѣтьми, протягивая оныя между камнями, гдѣ сѣи животныя бываютъ. Лисицъ они промышляютъ какъ черно-бурыхъ, сиводушекъ, такъ и красныхъ, тремя способами: во первыхъ, если попадется, то стрѣляютъ винтовками; во вторыхъ, ловящъ кляпцами, какъ и въ *Камчаткѣ*, то есть спавишъ западню съ приманкой, которую коль скоро звѣрь дернетъ, то спускается острое желѣзо и ударяетъ въ него; а третій способъ *тайками*: привязавъ чайку къ чему нибудь въ томъ мѣстѣ, гдѣ примѣщаютъ лисьи слѣды, окружаютъ ее пѣслями, а охотникъ сидитъ притаившись, чтобъ лисица не успѣла, попавшись въ пѣслю, перегрызть оную; звѣрь, услышавъ порханье чайки, потчасъ бросается на свою добычу и попадаетъ въ пѣслю. Песцовъ на *Кирильскихъ* островахъ нѣтъ, и жилили имени ихъ не знаютъ. Увидѣвъ у насъ кожи сихъ животныхъ, они называли ихъ бѣлыми лисицами. Сивучей и нерповъ они стрѣляютъ, а орловъ ловящъ чайками только не такимъ образомъ, какъ лисицъ: спавишъ небольшой шалашъ съ однимъ отверзтіемъ на самомъ верху; внутри шалаша подъ отверзтіемъ привязываютъ чайку, въ которую орелъ, спустившись, вцѣпляется когтями, и пока онъ силился добычу свою опрывать или останется тамъ пировать на ней, его убиваютъ. Орлы у нихъ бываютъ только зимою, а лѣтомъ, какъ они говорятъ, улетаютъ хищныя сѣи иши-

цы въ *Каматку*, что и справедливо: ихъ шмтъ бы-
ваешъ великое множество; многія рыбою изобильныя рѣ-
ки, текущія по сему полуострову, доставляющъ имъ
обильную пищу. Бобры, сивучи, тюлени, лисицы и
орлы суть единственные промыслы *Курильцевъ* про-
изводимые для торговли; впрочемъ, для своего прокормле-
нiя и домашнихъ потребъ, они промышленяють раз-
ныхъ морскихъ птицъ, какъ-то: гусей, ушюкъ разныхъ
родовъ, чирковъ и прочихъ, и рыбу, которою намъ
принадлежащiе *Курильскiе* острова очень неизобиль-
ны; при берегахъ обитаемыхъ острововъ 13 и 14, по
ешъ *Расица* и *Ушисира*, шюлько и ешъ одинъ родъ
рыбы, жишелями называемой *сирбъ-бокбъ*; она величиною
съ *горбушю*, красноватаго цвѣша; ловяшъ ее удами меж-
ду камнями; изъ птицъ гусей и ушюкъ они промыш-
ляють рѣдко, потому, что сей промыселъ сопряженъ
съ трудами и издержками пороку и свинцу (1). но ло-
вяшъ руками *топорковъ*, *стариковъ* и еще родъ птицъ
на ихъ языкѣ называемыхъ *мавридори* (2) въ ихъ гнѣз-

- (1) Надобно знать, что какъ *Камтадалы*, такъ и *Курильцы* не
употребляють ни ружей, ни дроби, а если имъ нужно
убишъ хотя маленькую птичку, то спрѣляють пулею изъ
винтовки, почему птицъ они рѣдко симъ способомъ про-
мышляють, не смотря на то, что въ ихъ винтовки очень
мало пороку кладетсѧ и пули невелики. У нихъ изъ фун-
ша пороку выходитъ около и болѣе 100 зарядовъ; для се-
го числа на пули свинцу надобно 2 фунта.
- (2) Птицы, описанiемъ соотвѣтствующей *мавридори*, я не
могъ прибрать въ *Висфреновой* Естественной Исторiи, и
потому приложу здѣсь сдѣланное мною ей описанiе: *мав-*

даѣтъ, такъ что одинъ человекъ въ день наберетъ ихъ 40 и 50 штукъ, съ коихъ кожу съ перьями сдираютъ и сшивая дѣлаютъ парки для жителей обоого пола; изъ жиру топятъ сало, а мясо, выкопшивъ надъ дымомъ, берегутъ въ зимній запасъ своей пищи, которое, вмѣстѣ съ черемшою, сараною, разными дикими кореньями, ракушками, морскими яицами и разными родами морскаго растѣнія, составляетъ главный, и можно сказать, единственный ихъ запасъ, къ которому иногда прибавляется купленное у *Японцевъ* пшено. Въ добавокъ къ сему описанію присовокуплю еще слѣдующія подробности касательно *Курильцовъ*: наши *Курильцы* вообще брѣютъ бороды; хотя найденные на *Итурупѣ* были съ бородами, но это дѣлаютъ они изъ подражанія мохнашымъ, которые носятъ длинныя бороды, а потому нашъ *Алексѣй*, находясь между Русскими, изъявилъ желаніе выбриться, въ чемъ его и удовлетворили, а сверхъ того я велѣлъ дать ему пару

ридори величиною съ голубя, перья на спинѣ и на верхней части крыльевъ черноватыя и темносѣрыя, часто перемѣшанныя, а на брюхѣ и подъ крыльями свѣтло-сѣрыя; крылья длинныя, изъ двухъ частей, составомъ соединенныхъ, состоящія. Когда онѣ распринуты, то между концами 2 фута 8 дюймовъ, а отъ конца носа до конца хвоста 13 дюймовъ, лапы о трехъ пальцахъ съ едва примѣтными когтями, которые во всю длину соединены перепонкою, а сзади небольшой палецъ болѣе на ноготь похожій; лапы и перепонки цвѣту сѣинцоваго, носъ острый черной, на концѣ внизъ загнутой съ двумя сверху дугами.

казеннаго плащя оставшагося послѣ умершихъ. Жители *Сулшу* и *Парамушира* ѣздящъ на собакахъ подобно Камчадаламъ, а на *Расица* и *Ушисирѣ* не ѣздящъ, по неумѣиію, но нѣкопорые держашъ сихъ живошныхъ для лисей шправи. Я выше не говорилъ о семъ способѣ промышляшъ лисицъ, попому что оны не общій и употребляемя только нѣкопорыми на островѣ *Расица*, гдѣ естъ свои лисицы, а *Ушисирскіе* жители, не имѣя ихъ у себя, ѣздящъ на другіе острова, и попому съ собаками пскакашъ имъ невозможно; впрочемъ на обоихъ островахъ собачьи кожи употребляютъ для зимнихъ парокъ.

Алексѣй насъ увѣдомилъ, что на южной сторонѣ острова *Кунашира* (20 го Курильской гряды) естъ безопасная гавань и укрѣненное при оной селеніе, гдѣ могли мы запасишъ дровами, водою, пшеномъ и зеленою; почему я и вознамѣрился въ *Урбимъ* уже не ходишъ а идши прямо къ *Кунаширу*; главною же причиною сему намѣренію было желаніе мое описашъ подробнѣе гавань и проливъ, отдѣляющій *Кунаширѣ* отъ *Матсмай*, кошорой прежде сего *Европѣйскимъ* мореплавателямъ не былъ извѣстенъ, и на многихъ картахъ означенъ вмѣсто его сплошной берегъ, да и на картѣ *Бротона* оставленъ онъ подъ сомнѣніемъ. Сверхъ того и другая причина еще понуждала меня поскорѣе прійти къ селенію въ безопасную гавань: мы нашли, что въ пріомѣ у насъ крысы съѣли болѣе 4 пудъ сухарей и около 6 четвериковъ солоду, а какъ мы не могли знашъ, въ какомъ состояніи находятся провизія,

ПЛАНЪ

ЗАЛИВА ИЗМѢННЫ,

названнаго такъ Капитаномъ
Риккардомъ, по взятіи на осерсеу
его въ мѣсяцъ Календаря Мѣсяца
Діаны Капитана Головинна.

Заливъ сей находится на южной стороне
Корабельнаго острова Корабельнаго.
Широта южного полюса: широта 44° 45'
Д. Долгота 145° 9' 40" отъ Гринвича.

Итальянскіе саги

По 1. Числу Замѣтокъ Вѣдѣній Гидрографическаго

лежащая внизу, то и нужно было поспѣшать къ мѣсту, гдѣ бы въ случаѣ нужды можно было получить какой нибудь запасъ.

Вѣтры, туманы и пасмурность не позволяли намъ войти въ проливъ между *Матсая* и *Кунашира*, прежде 4 Юля. Во все сіе время мы бились у острововъ *Итурупа*, *Кунашира* и *Чикотана*, часто ихъ видали, но по большой части они были скрыты въ туманѣ. Вечеромъ подошли мы близко къ длинной низкой косѣ, составляющей восточную сторону *Кунаширской* гавани, а чтобы не причинить безпокойства и страху *Японцамъ*, входомъ нашимъ въ гавань къ ночи, я рассудилъ стать въ проливѣ на якорь. Во всю сію ночь на двухъ мысахъ гавани горѣли большіе огни, вѣрояно для сигнала о нашемъ приходѣ. На другой день (5 Юля) по утру пошли мы въ гавань; при входѣ нашемъ съ крѣпости сдѣланы были два пушечные выстрѣла ядрами, которыя упали въ воду, далеко не долетѣвъ до насъ. Мы заключили, что *Японцы* здѣсь не получили еще извѣстія съ острова *Итурупа* о миролюбивомъ нашемъ расположеніи. Между тѣмъ густой туманъ покрылъ крѣпость и заливъ, почему мы бросили якорь; а когда погода прочистилась, то опять пошли ближе къ крѣпости, съ которой уже болѣе не палили, хотя промѣривавшая глубину впереди шлюпка была отъ нее не далѣе пушечнаго выстрѣла. Крѣпость вся кругомъ была обвѣшена полосатою матеріею, состоящею изъ бѣлыхъ и черныхъ или темносинихъ широкихъ полосъ, такъ что ни стѣны, ни палисаду не лзя было видѣть; мѣ-

стами между матеріи поставлены были щиты съ нарисованными на нихъ круглыми амбразурами; но такъ грубо, что даже издали не лзя было принять ихъ за настоящія башарей. Мы могли только видѣть нѣкопорыя строенія внутри крѣпости, кои будучи расположены по косогору, видны были черезъ валь; въ числѣ ихъ домъ Начальника оплitchался отъ прочихъ множествомъ флаговъ и флюгеровъ, надъ нимъ выставленныхъ; на прочихъ частяхъ города также много сихъ знаковъ развѣвалось; но гораздо менѣ нежели у Начальника. — *Алексѣй* не зналъ причины, для чего это дѣлается, но сказывалъ, что всегда городъ такимъ образомъ украшается, когда приходишь въ портъ чужое судно, или пріѣзжаетъ чиновная особа. Остановясь на якорѣ въ разстояніи верстъ двухъ отъ крѣпости, поѣхалъ я на берегъ, взявъ съ собою Штурманскаго помощника *Средняго*, 4 гребцовъ и Курильца. *Японцы*, подпустивъ насъ сажень на 50 къ берегу, вдругъ начали съ разныхъ мѣстъ крѣпости въ шляпку стрѣлять изъ пушекъ ядрами; мы тотчасъ поворотили назадъ и стали грести, какъ по всякой и самъ легко догадаешься можешь, изъ всей силы; первые выстрѣлы были очень опасны и ядра пролетѣли, такъ сказать, мимо ушей нашихъ, но послѣ они пушки свои заряжали медленно и нехорошо наводили (1). Съ нашего шляпа, при первыхъ выстрѣ-

(1) *Японскій* порохъ долженъ быть очень дуренъ, потому что при пальбѣ производилъ чрезвычайно густой и черной дымъ.

лахъ, старшій по мнѣ офицеръ, Капитанъ-Лейтенантъ *Рикордъ*, отправилъ къ намъ на помощь всѣ наши вооруженныя гребныя суда, въ коихъ однакожъ къ щастию мы не имѣли нужды; ни одно ядро въ нашу шляпку не попало. Когда я уже выѣхалъ изъ дистанціи пушечныхъ выстрѣловъ, *Японцы* не перестали палишь и даже продолжали по пріѣздѣ моемъ на шляпъ. Безчестный ихъ поступокъ крайне меня огорчилъ; я думалъ, что дикіе одни только въ состояніи сдѣлать то, что они: видя небольшую шляпку съ семью человеками, бѣдующую прямо къ нимъ и подулсивъ оную влошь къ башареймъ, спали въ нее палишь, такъ что отъ одного ядра всѣ бывшіе на ней могли бы погибнуть. Сначала я считалъ себя въ правѣ опмстить имъ за это, и велѣлъ было уже сдѣлать одинъ выстрѣлъ къ крѣпости, чтобъ судя по оному лучше можно было видѣть, какъ поставишь шляпъ; но разсудивъ, что время произвести мщеніе не уйдетъ, а безъ воли Правительства начинать военныя дѣйствія не годится, я тотчасъ перемѣнилъ свое намѣреніе и отошелъ отъ крѣпости, а потомъ вздумалъ я объясниться съ *Японцами* посредствомъ знаковъ. На сей конецъ поутру слѣдующаго дня (6 Іюля) поставили мы передъ городомъ на водѣ кадку по поламъ раздѣленную: въ одну половину положили спаканъ съ прѣсною водою, нѣсколько полнѣй дровъ и горсть сорочинскаго пшена въ знакъ, что имѣли нужду въ сихъ вещахъ; а на другую сторону кадки положено было нѣсколько піастровъ, кусокъ алаго сукна, нѣкошорыя хрушальныя вещи и бисеръ, въ знакъ что

мы готовы за нужные вещи заплащать имъ деньгами или также отдарить вещами; сверху положили мы картинку, весьма искусно нарисованную Мичманомъ *Муромъ*, на которой была изображена гавань съ крѣпостью и нашимъ шлюпомъ, на коемъ пушки были означены очень явственно, и въ бездѣйствій, а съ крѣпости оныя палятъ съ лежащими ядрами чрезъ нашу шлюпку. Симъ способомъ я хотѣлъ нѣкоторымъ образомъ упрекнуть имъ за ихъ вѣроломство. Лишь только мы оставили лодку и удалились, какъ *Японцы* потчасъ, взявъ оную на лодку, отвезли въ крѣпость. На другой день мы подошли ближе пушечнаго выстрѣла къ крѣпости за ошвѣтомъ, будучи на всякой случай готовы къ сраженію; но *Японцы*, казалось, не обращали никакого на насъ вниманія; ни одинъ человѣкъ не выходилъ изъ крѣпости, которая вся кругомъ была обвѣшена по прежнему. Разсматривая положеніе наше со всѣхъ сторонъ, мнѣ казалось, что я имѣлъ основательныя причины потребовать у *Японцевъ* ошвѣта какимъ бы то ни было образомъ. Первое наше съ ними свиданіе случилось нечаянно; Начальникъ ихъ самъ собою вызвался дать намъ письмо въ городъ, увѣряя, что по оному мы можемъ получить не только воду и дрова, но и свѣсныя припасы; въ надеждѣ на его обѣщаніе мы пришли сюда, потерявъ подмѣсяца, въ которое время могли бы прійти въ *Охотскъ*, и издержавъ не мало провизіи, которую надѣялись получить у *Японцевъ* за плату по ихъ желанію; а они, принявъ насъ непріятельски, не хотѣвъ дать никакого оп-

вѣща на миролюбивыя наши предложенія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи я потребовалъ письменнымъ приказомъ, чтобы каждой офицеръ подалъ мнѣ на бумагѣ свое мнѣніе, какъ поступить въ такомъ случаѣ; они всѣ были согласны, что непріятельскихъ дѣйствій безъ крайней нужды начинать недолжно, пока не воспослѣдуетъ на сіе воля Правительства. Въ слѣдствіе сего мнѣнія господъ офицеровъ, отошли мы отъ крѣпости. Я принялъ другое намѣреніе, и послалъ вооруженныя шлюпки подъ командою Капитана - Лейпенавша *Рикорда* въ рыбацкое селеніе, на берегу гавани находящееся съ повелѣніемъ взять тамъ нужное намъ количество дровъ, воды и пшена, оставивъ за оныя плату Испанскими піаспрами или вещами, а самъ со шлюпомъ держался подлѣ берега подлѣ парусами въ намѣреніи употребить силу для полученія нужныхъ намъ вещей, буде бы *Японцы* стали противиться выходу нашего отряда на берегъ; однакожъ въ селеніи не только солдатъ но и жителей ниоднаго не было; воды тамъ, кромѣ гнилой, дождевой, *Г. Рикордъ* не нашелъ, а взялъ дрова, небольшое количество пшена и сушеной рыбы, оставивъ за оныя въ уплату разныя *Европейскія* вещи, которыя, по словамъ *Курильца Алексѣя*, далеко превосходили цѣною то, что мы взяли. Послѣ полудни я самъ ѣздилъ на берегъ изъ любопытства по-смощрѣть *Японскія* заведенія; и къ удовольствію моему увидѣлъ, что оставленныя нами вещи были взяты. Это показывало, что послѣ *Г. Рикорда* шупъ были *Японцы*, и шеперь въ крѣпости знаютъ, что мы не

грабиль ихъ пришли. На сей сторонѣ гавани были два рыбацкія селенія со всѣми заведеніями, нужными для ловли рыбы, для соденія и сушенія оной и для выщипки жиру. Невода ихъ чрезвычайной величины, и все, принадлежащее къ сему промыслу, какъ-то: лодки, котлы, прессы, лари и бочки для жиру и проч. находилось въ удивительномъ порядкѣ. Іюля 8 по утру увидѣли мы выспавленную на водѣ передъ городомъ кадку; потчасъ снялись съ якоря и подойдя къ ней, взяли оную на шлюпѣ. Въ кадкѣ нашли мы ящикъ во многихъ кускахъ клеенки обвернутой, а въ ящикѣ три бумаги: на одной было Японское письмо, котораго мы прочиташъ не умѣли, слѣдовательно все равно какъ бы его и совсѣмъ не было, и двѣ картинки; на обѣихъ были изображены гавань, крѣпость, нашъ шлюпѣ, кадка, ѣдущая къ ней шлюпка и восходящее солнце; съ шлюпкой разностию, что на первой крѣпостныя пушки предсавлены стрѣляющими, а на другой обращены онѣ дулами назадъ. Разсматривая сіи *сигнолы*, всякой изъ насъ подковалъ ихъ на свой ладъ; да и не мудрено: подобное сему нерѣдко и въ Академіяхъ случается. Мы только въ одномъ были согласны, что Японцы не хотѣвъ съ нами имѣть никакого сношенія; я понималъ сіи знаки такимъ образомъ, что въ первый разъ они не палили въ шлюпку, которая ставила кадку передъ городомъ и позволили оную поставитъ; а если въ другой разъ спанемъ дѣлать то же, то стрѣлять будутъ. Посему и пошли мы къ небольшой рѣчкѣ на западномъ берегу гавани, гдѣ, остановясь на якорѣ,

послали вооруженныя шлюпки наливать прѣсную воду; почти весь день мы работали на берегу и *Японцы* насъ ни мало не беспокоили; они только выслали изъ крѣпости нѣсколько человекъ *Курильцевъ*, которые, будучи отъ нашего опрѣда въ полуверстѣ, примѣчали за нашими движеніями. На другой день, 9 Іюля поутру, опять поѣхали наши шлюпки на берегъ за водою; тогда подошелъ къ нашему опрѣду высланной изъ крѣпости *Курилецъ*. Онъ приближался потихоньку съ величайшею робостію, держалъ въ одной рукѣ деревянной крестъ, а другою безпрестанно крестился. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ между нашими *Курильцами* на островѣ *Расшиа*, гдѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Кузьмы*; тамъ вѣроятно научился онъ креститься, и узнавъ, что *Русскіе* почитаютъ крестъ, оградилъ имъ себя, и ошважился идти къ намъ *парламентеромъ*. Первой встрѣтилъ его Лейтенантъ *Рудаковъ*. Онъ его обласкалъ, сдѣлалъ ему нѣкоторыя подарки, но не смотря на все это, *Кузьма* отъ страха дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Я пришелъ послѣ, но хорошенько объясниться съ нимъ не могъ; *Алексѣ* на берегу съ нами не было, а посланной не хотѣлъ его ждать и на шлюпъ ѣхать боялся; силою же задержавъ его мнѣ казалось не ловко; а по *Руски* онъ и десяти словъ не зналъ. Однакожъ, кое-какъ знаками толкуя, я могъ понять, что Начальникъ города желаетъ встрѣтить меня на лодкѣ съ такимъ же числомъ людей, какое у меня будетъ и со мною переговорить, для чего и проситъ подѣхавъ къ городу съ чепырьмя или пятью человекъ, на что я охотно изъ-

явилъ мое согласіе, и отпустилъ его, давъ ему въ подарокъ нитку—бисеру. Онъ отъ того сдѣлался смѣлѣе и самъ уже попросилъ куришельнаго шабаку, котораго однакожь со мною тогда не случилось, и я общалъ привезти его послѣ. Между тѣмъ *Японцы* выставили другую кадку передъ крѣпостью, но такъ близко бапарей, что подѣзжалъ къ нимъ я считалъ неблагоразумнымъ; изъ крѣпости никто ко мнѣ на встрѣчу не выѣзжалъ, но махали только бѣлыми вѣерами, чтобы я ѣхалъ на берегъ; почему и закладывалъ я, что мы съ *Курильцями* худо объяснились и я не такъ его понималъ; но когда я спалъ возвращаться, то съ берегу шопчасъ отвалила лодка, на которой подѣзжалъ ко мнѣ какой—то чиновникъ съ переводчикомъ *Курильскаго* языка. Людей у нихъ было гораздо болѣе, нежели на моей шлюпкѣ, но какъ мы всѣ были хорошо вооружены, то я не имѣлъ причины ихъ бояться. Разговоръ они начали извиненіемъ, что въ меня палили, когда я ѣхалъ на берегъ, поставляя сему причиною недовѣрчивость ихъ къ намъ, происшедшую отъ пошупковъ двухъ *Русскихъ* судовъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на нихъ нападавшихъ, съ которыхъ люди сначала также съѣзжали на берегъ подъ предлогомъ надобности въ водѣ и дровахъ; но теперь, увидѣвъ на самомъ дѣлѣ, сколь поступки наши отличны отъ дѣяній тѣхъ, которые пріѣзжали на прежнихъ судахъ, они болѣе не имѣютъ въ насъ ни какого сомнѣнія, и готовы оказать намъ всякое зависящее отъ нихъ пособіе. Я велѣлъ нашему переводчику *Алексѣю*, объявить имъ, что прежнія суда были шор-

говья, нападали на нихъ безъ воли Правительсства, за что Начальники оныхъ наказаны; а справедливостъ сего удостовѣренія доказывалъ имъ тѣмъ же способомъ, какъ и на островѣ *Итирунѣ*. Они ошвѣчали, что всему этому вѣряшь и очень рады слышашъ о добромъ къ себѣ расположеніи *Рускихъ*. На вопросъ мой, довольны ли они оставленною нами плашою за вещи, взяшыя у нихъ въ рыбацкомъ селеніи, они сказали, что взятое нами они почитаютъ бездѣлицею и думаютъ, что мы оспавили за то болѣе нежели надобно; припомъ увѣрили, что Начальникъ ихъ готовъ свабдишь насъ всѣмъ, что у нихъ есть. При семъ случаѣ они спросили у меня, что намъ еще нужно. Я попросилъ у нихъ десятъ мѣшковъ пшена, нѣсколько свѣжей рыбы и зелени, и предлагалъ въ заплачу піастры, сколько имъ самимъ угодно будетъ назначишь. Они просили меня ѣхашъ на берегъ, чшобъ переговоришь съ самимъ Начальникомъ города, но я на сей случай отказался, обѣщаясь пріѣхашъ на другой день, когда шдютъ будетъ ближе къ крѣпости. По обѣщанію, данному парламентеру *Кузьмѣ*, я привезъ съ собою табаку, но *Курильцы* не смѣли принявъ онаго безъ позволенія Японскаго Чиновника, а онъ на это не соглашался. Я желалъ было поговоришь поболѣе съ Японцами, но *Алексѣй* мой, нашедъ на лодкѣ гребцами своихъ пріятелей, безпрестанно почши съ ними разговаривалъ; я велю ему говоришь Японцамъ, а онъ заведетъ съ *Курильцами* свой разговоръ. Когда мы съ ними разстались, то *Алексѣй* разсказалъ, что ему говорили *Курильцы*. По ихъ словамъ, Японцы были въ чрез-

вычайномъ страхѣ и смятеніи при появленіи нашего судна; они думали, что мы потчасъ сдѣлаемъ нападеніе, и пошому немедленно отправили въ дѣсъ всѣ свои лучшіе пожипки, да и сами мы видѣли, какъ они вели изъ крѣпости въ горы въючныхъ лошадей; налили они въ нашу шлюпку, какъ увѣряли *Курильцы*, дѣйстви- тельно отъ спраху, и когда наши гребныя суда поѣха- ли въ рыбацкое селеніе, то они увѣрены были, что мы непременно будемъ шамъ все грабить и жечь; но коль скоро мы оставили берегъ, и они, осмопрѣвъ свои до- мы, увидѣли, что въ нихъ все находилось въ цѣлости, а за взятое пшено, рыбу и дрова положены были разныя недешевыя между ими *Европейскія* вещи, тогда *Японцы* обрадовались до чрезвычайности, и совершенно успоко- нлись. Я тѣмъ болѣе повѣрилъ *Курильцамъ*, что дѣй- ствительно *Японцы* палили въ насъ отъ трусовости, считая можешь быть, что у насъ внизу шлюпки ле- жало много людей; впрочемъ, хотя она и мала для сего была, но, какъ говоришь, *у страха глаза велики*; и какъ зачѣмъ бы палишь имъ было въ горсть людей, прямо къ нимъ ѣхавшихъ? Они могли насъ выпустить на берегъ и пошомъ послушнѣ, какъ имъ угодно. *Курилецъ Але- ксѣй* также сказывалъ мнѣ, что *Японцы* чрезвычайно бояшя *Рускихъ*, и неоднократно ему изъясляли свое удивленіе, какимъ образомъ *Рускіе* могутъ такъ скоро и мѣшко стрѣлять, какъ они замѣтили при нападеніи на нихъ *Хвостова*.

10 го числа поущру мы наливали послѣднія наши бочки водою, и не успѣли подойти ближе къ крѣпости,

а послѣ вѣстрѣ не позволилъ; между тѣмъ *Японцы* выслали лодку, съ которой дѣлали знаки, что желаютъ съ нами переговоришь. Я пошчасъ поѣхалъ къ нимъ, но, подъѣзжая, увидѣлъ, что лодка, оставивъ на водѣ кадку, погребла назадъ. Въ кадкѣ наши мы всѣ оставленныя нами на берегу вещи и даже тѣ, которыя прежде они взяли въ поставленной нами кадкѣ. Прибавивъ къ онымъ 18 пiаспровъ и нѣсколько шелковыхъ *Остѣ-Индскихъ* плашковъ, хотѣлъ я ѣхать на шлюпѣ, но *Японцы* вдругъ на берегу начали махашъ бѣлыми вѣерами и дѣлашъ знаки, чтобы я приспалъ къ берегу. Я приказалъ гребцамъ, коихъ со мною было только чешыре человека, положить свое оружіе подъ парусинную покрышку непримѣнно; но такъ, чтобы въ мигъ можно было оное выхватишь. Мы приспали къ берегу въ разстояніи сажень шестидесяти или осмидесяти отъ воровъ крѣпости. Я, *Курилецъ Алексѣй* и одинъ машрозъ вышли на берегъ, а прочимъ приказано отъ меня было держашъ шлюпку на водѣ, не позволять *Японцамъ* до нее допрогиваться, и не спуская глазъ съ меня, слушашъ, что я буду приказывать. На берегу встрѣтилъ меня *Японскій* Чиновникъ называемой *Олеода* (1), и съ нимъ два еще Офицера. При нихъ было двое простыхъ *Японцевъ* и болѣе десяти человекъ *Курильцевъ*. Всѣ *Японцы*, какъ чиновники такъ и рядовые, были въ богатомъ шелковомъ плащѣ и въ лапахъ съ ногъ до головы, и имѣли при себѣ по саблѣ и по кинжалу за поясомъ, а *Курильцы* были безъ всякаго оружія. У меня

(1) Званіе, соотвѣствующее нашему *Земскому Исправнику*.

же была наружъ одна сабля, а шести пистолетовъ, разложенныхъ за пазухою и по карманамъ, они видѣть не могли. *Олгода* принялъ меня очень учтиво и ласково, и просилъ подождать на берегу Начальника крѣпости, который скоро выйдетъ. Я его тотчасъ спросилъ, чтобы значило то, что они положили всѣ оставленные нами вещи въ кадку и выспавили на воду. Съ тѣмъ, чтобы возвратить вамъ, сказалъ онъ, ибо мы думали, что вы не хотите болѣе вступать съ нами ни въ какіе переговоры, а до окончанія оныхъ мы ничего принять не можемъ. Я тотчасъ вспомнилъ описаніе посольства *Лаксманова*, гдѣ упоминается, что *Японцы*, до окончанія веденныхъ имъ переговоровъ, никакихъ подарковъ принимать не хотѣли, а послѣ все брали, что онъ имъ давалъ; почему съ сей стороны я совершенно успокоился. Вскорѣ и Начальникъ появился въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи двухъ чловѣкъ также вооруженныхъ, изъ коихъ одинъ несъ предлинное копье, а другой его шапку или шлемъ, похожій на нашъ вѣнецъ, при бракосочетаніяхъ употребляемой, съ изображеніемъ на ономъ луны. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе его шествія: пошупивъ глаза въ землю и подбоченясь *фертонъ*, едва переступалъ онъ ногами, держа ихъ одну опъ другой такъ далеко, какъ бы небольшая канавка была между ими. Я ему сдѣлалъ *Европейскій* поклонъ, на которой онъ мнѣ отвѣчалъ поднятіемъ лѣвой руки ко лбу, и наклоненіемъ головы и всего тѣла впередъ, а потомъ начался у насъ разговоръ. Я извинялся, что крайняя нужда заставила

насъ причинишь имъ столь много безпокойства, а онъ жалѣлъ, что по незнанію настоящей цѣли нашего прихода, принуждены они были въ насъ палить, и спрашивалъ, зачѣмъ, при входѣ нашемъ въ гавань, не послали мы отъ себя шлюпки на встрѣчу къ выѣхавшей изъ крѣпости лодкѣ; если бы мы это сдѣлали, то не произошло бы никакого недоумѣнія. Я увѣрялъ его, что мы никакой лодки не видали, чему вѣроятно шуманъ былъ причиною; впрочемъ примѣрно было, что онъ искалъ предлога въ извинить свой поступокъ и говорилъ неправду; ибо, при входѣ нашемъ въ гавань, мы смотрѣли по обыкновенію весьма зорко вокругъ себя, такъ что и шипца не скрылась бы отъ насъ, не токъ лодка. Потомъ спросилъ онъ, я ли Начальникъ корабля или тамъ есть другой спарѣ меня, и повторилъ сей вопросъ нѣсколько разъ. На послѣдокъ спрашивалъ, откуда мы идемъ, зачѣмъ пришли къ ихъ берегамъ, и куда отъ нихъ намѣрены идти. Чтобъ не возбудить въ нихъ страху и подозрѣнія объявленіемъ настоящей причины плаванія нашего вокругъ ихъ острововъ, сказалъ я, что мы возвращаемся изъ восточныхъ предѣловъ нашей Имперіи въ *Петербургъ*, встрѣтили много противныхъ вѣтровъ, и бывъ долго въ морѣ, имѣемъ недоспашокъ въ водѣ и дровахъ, для запасенія коихъ искали удобной гавани, но нашедъ случайно на островъ *Итурупъ Японской* военной опрядъ, получили письмо отъ ихъ Начальника въ городъ *Урбитъ*, которое я теперь позабылъ на шлюпѣ, но послѣ пришлю; съ увѣреніемъ, что намъ окажутъ всякую помощь; почему мы и пришли сюда, а получивъ

все нужное, пойдемъ ближнимъ путемъ въ *Кантонъ* для вѣроятнаго запаса помянутыхъ вещей. Тогда онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что на *Итурупъ* говорили мы, будто пришли къ нимъ торговать, а здѣсь говоримъ другое. На это я увѣрялъ его, что если быдо имъ такъ сказано, то ошибка сія должна произойти отъ *Курильцевъ*, незнающихъ говорить по *Руски*; впрочемъ мы на *Итурупъ* сказали точно тоже, что и здѣсь. Ошибка же такая и дѣйствительно могла случиться, ибо на *Курильскоиъ* языкѣ нѣтъ словъ, означающихъ *деньги* и *покупать*, а выражающъ они это словами *лѣннать*, *торговать*. Далѣе спрашивалъ онъ имя нашего Государа, какъ меня зовутъ, знаю ли *Резанова*, бывшаго у нихъ Посломъ, и есль ли въ *Петербургѣ* люди, умѣющіе говорить по *Японски*. На всѣ сіи вопросы далъ я ему удовлетворительные отвѣты, уведомилъ о смерти *Резанова* и о томъ, что мы имѣемъ въ *Россіи* переводчиковъ ихъ языка. Надобно замѣтить, что онъ рачительно записывалъ на бумагу всѣ мои отвѣты. Напослѣдокъ спалъ онъ меня подчивая чаемъ, табакомъ куришельнымъ, напишкомъ ихъ *сагою* и икрою. Всякая вещь была принесена на особливомъ блюдѣ и особливими людьми, кои всѣ были вооружены саблями и кинжалами. Принесши что нибудь, каждой у насъ останавливался, такъ что кругомъ насъ составилъ доброй кругъ вооруженныхъ людей. Въ числѣ прочихъ вещей, привезенныхъ мною для подарковъ, была *Французская* водка, и пошому я предложилъ Начальнику, неугодно ли ему попробовать нашего напишку, и приказалъ при-

несъ бутылку, а въ шже время, подъ видомъ приказу о водкѣ, повторилъ своимъ маэрозамъ, чѣобы они гошвы были на всякую крайность; сказать же *Японцаибъ*, что я ихъ боюсь, и чѣобы лишніе изъ нихъ удалились, чѣсполубіе мѣ не позволяло; а припомъ и не хощѣлъ показатъ, что имъ не довѣрю, однакожъ я видѣлъ, что они ни на какое насиліе не покушались, хотя легко могли бы все съ нами сдѣлатъ что хощѣли, съ нѣ-которою только потерей. Мы курили шабакъ, пили чай, шутили; они спрашивали у меня, какъ нѣкошорыя вещи по Руски называются, а я любопытствоваль знатъ *Японскія* слова. Напослѣдокъ я всталъ и спросилъ его, когда могу получишь обѣщанные ихъ чиновникомъ съѣстные припасы, и что должентъ я за все вмѣстѣ заплаатить, показавъ припомъ піаспртъ, чѣобы онъ назначилъ число оныхъ; но, къ удивленію моему, услышалъ отъ него, что онъ не главной Начальникъ крѣпости и договаривашься объ этомъ не можешъ, а просишъ, чѣобы я пошелъ въ крѣпость для свиданія съ самимъ главнымъ Начальникомъ. На сіе однакожъ я не согласился, сказавъ, что я и шакъ уже долго у нихъ гошу, и если еще пойду въ крѣпость, то это на шлюпѣ причинишъ безпокойство и, можешъ бышь, произойдушъ непріятныя слѣдствія; но если ихъ чиновники поѣдушъ на моей шлюпкѣ на корабль, то оставшіеся тамъ офицеры будутъ въ разсужденіи моего положенія покойны, и шогда я пойду въ крѣпость. На сіе предложеніе одинъ изъ нихъ шощазъ пожелалъ ѣхатъ; когда же послали къ Начальни-

ку спросить на это позволенія, то онъ его не далъ, а обѣщался скоро самъ выйти ко мнѣ. Но чрезъ нѣсколь-
ко минушъ прислалъ сказать, что онъ обѣщаетъ и
скоро выйти не можешь. Ждаль его я не хотѣлъ и
сказалъ, что подойдя со шлюпомъ ближе къ крѣпости
пріѣду и пойду въ крѣпость. Второй Начальникъ ни
мало меня не удерживалъ и при разставаніи подарилъ
мнѣ кувшинъ *саги* и нѣсколько свѣжей рыбы, извиня-
ясь, что шеперь болѣе нѣтъ; показавъ на большой
завезенной неводъ, сказалъ, что онъ для насъ закинулъ,
и просилъ прислать передъ вечеромъ шлюпку, говоря,
что тогда доставить всю рыбу, которую поймать;
равнымъ образомъ и онъ меня принялъ зажигательное
стекло и нѣсколько бушелоковъ водки, но табаку *Ку-*
рильцамъ брать онъ насъ не позволялъ; сверхъ того
далъ онъ мнѣ бѣлой вѣрть въ знакъ дружбы, сказавъ,
чтобъ мы, подвѣзжая къ берегу, имъ махали и что
сіе будешь служишь сигналомъ мирнаго нашего къ нимъ
расположенія. При семъ случаѣ *Алексѣй*, переводя рѣчи
Японца, толковалъ мнѣ что-то о крестѣ, но такъ связно
и непонятно, что я ничего выразумѣть не могъ; а
уже на шлюпкѣ, собравшись съ духомъ и на свободѣ,
прибравъ приличныя выраженія, вздумалъ онъ объяс-
нить мнѣ, что онъ значилъ: *Японскій* Начальникъ, зна-
я сколько много *Рускіе* почитаютъ крестъ, просилъ меня,
чтобы я, въ знакъ благонамѣреннаго нашего къ нимъ рас-
положенія, перекрестился. Случай эшотъ для меня
очень былъ непріятенъ, и я крайне сожалѣлъ, что не
могъ понять *Алексѣя* на берегу.

Къ вечеру подошли мы къ крѣпости на пушечный выстрѣлъ и стали на якорь. Самому мнѣ на берегъ ѣхать для переговору было поздно; почему послалъ я для доставленія къ *Японцамъ* письма съ острова *Ити-рупа* и за рыбою Мичмана *Якушкина* на вооруженной шлюпкѣ, приказавъ ему пристать въ томъ мѣстѣ, гдѣ я приспавалъ и на берегъ ошнюдь не выходить. Онъ исполнилъ мое приказаніе въ точности, возвратился на шлюпъ по наступленіи уже темноты, привезъ отъ *Японцевъ* болѣе ста большихъ рыбъ, и увѣдомилъ меня, что *Японцы* обошлись съ нимъ очень ласково, и когда онъ имъ сказалъ, что сего дня мнѣ бытъ къ нимъ поздно, и что я намѣренъ пріѣхать на другой день по утру, то они просили, чшобы въ шуманъ мы не ѣздили и припомъ сказали, что они желали бы видѣть со мною на берегу нѣсколько нашихъ офицеровъ. Надобно признаться, что сіе послѣднее приглашеніе отъ такого народа должно было возбудить во мнѣ нѣкоторое подозрѣніе, но я сдѣлалъ ошибку, что не повѣрилъ Господину *Якушкину*; онъ былъ чрезвычайно любопытный и усердный къ службѣ офицеръ; ему хотѣлось вездѣ быть, все знать и все видѣть самому; я думалъ, что онъ, замѣшивъ, что я ѣздилъ всегда одинъ на берегъ, выдумалъ это приглашеніе отъ себя, чшобы я его взялъ съ собою на другой день; а болѣе въ томъ увѣрило меня то, что онъ въ ту же минушу спалъ просить позволенія со мною ѣхать, но я, пригласивъ еще прежде Мичмана *Мура* и *Штурмана Хлббникова*, принужденъ былъ ему отказать.

Юля 11, по утру въ 9 часу поѣхалъ я съ помянутыми господами *Миролю* и *Хлѣбниковыми* на берегъ, взявъ съ собою чешырехъ гребцовъ (1) и *Курильца Алексѣя*. Въ благомыслии объ насъ *Японцевъ* я былъ увѣренъ до такой степени, что не приказалъ брать съ собою никакого оружія: у насъ проихъ были только шпаги, да Г. *Хлѣбниковъ* взялъ съ собою ничего незначащій карманный пистолетъ, болѣе для сигналовъ на случай шума, нежели для обороны. Проѣзжая мимо стоявшей на водѣ катки, мы заглянули въ нее, чтобы узнать, взяли ли наши вещи, но увидя, что онѣ всѣ шутъ были, я опять вспомнилъ *Лаксмана*, и сей случай приписалъ также обыкновенію *Японцевъ* не принимать никакихъ подарковъ до совершеннаго окончанія дѣла. Наконецъ пристали мы къ берегу подлѣ самой крѣпости. Насъ встрѣтилъ *Оягода* и два другіе чиновника, шѣе самыя, кошорые наканунѣ меня встрѣчали. Они просили насъ подождать немного на берегу пока въ крѣпости все приготовлено будетъ для нашего пріема. Желая довѣренностію своею къ *Японцамъ* ошдались опъ нихъ всякое противъ насъ подозрѣніе, велѣлъ я шапку нашу до половины вытащить на берегъ, и ошавивъ при оной одного мапроза, приказалъ прочимъ прѣмъ нести за нами стулья и вещи, назначенныя въ подарки *Японцамъ*; минушь 10 или 15 мы дожидали на берегу. Въ это время я разговаривалъ съ

(1) Мапрозы первой спашы *Дмитрій Силановъ*, *Спиридонъ Макаровъ*, *Михайло Шкаевъ* и *Григорій Васильевъ*.

Олеодою и его товарищами, спрашивая ихъ о положеніи бывшихъ тогда въ виду у насъ *Матсмайскихъ* береговъ, и о торговлѣ здѣшнихъ острововъ съ главнымъ ихъ островомъ *Нифономъ*. На вопросы мои они отвѣчали не очень охотно, но крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось. Потомъ повели насъ въ крѣпость. Войдя въ ворота, я удивился множеству предспавившагося мнѣ народа: однихъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями, стрѣлами, копьями, было отъ 300 и до 400 человекъ. Они сидѣли вокругъ довольно пространный площади на правой сторонѣ воротъ; а великое множество *Курильцевъ* съ луками и стрѣлами окружали палатку, изъ бумажной полосатой матеріи сдѣланную, которая стояла противъ площади на лѣвой сторонѣ воротъ, въ разстояніи отъ оныхъ шаговъ тридцати. Мнѣ въ голову никогда не приходила мысль, чѣмъ въ такой маленькой крѣпости могло быть столько вооруженныхъ людей. Надобно думать, что пока мы были въ сей гавани, они собирали ихъ изъ всѣхъ ближнихъ мѣстъ. Лишь только мы вступили въ крѣпость, то насъ пошлѣхъ ввести въ помянутую палатку, гдѣ противъ входа, на стулѣ сидѣлъ ихъ главный Начальникъ въ богатомъ шелковомъ платьѣ и въ полной воинской одеждѣ, имѣя за поясомъ двѣ сабли; черезъ плечо у него лежалъ длинной шелковой шнуръ, на одномъ концѣ коего была палка же кисть, а на другомъ спальный жезлъ, которой онъ держалъ въ рукахъ, и которой конечно служилъ знакомъ его власти. За нимъ сидѣли на полу его оруженосцы: одинъ держалъ копье, другой ружье, а шре-

мій шлемъ, такой же, какой я видѣлъ прежде на второмъ Начальникѣ, только на этомъ изображено было солнце. Второй Начальникъ съ своими оруженосцами сидѣлъ по лѣвую спорону главнаго Начальника и также на стулѣ; только его стулъ былъ пониже; а по споронамъ у нихъ вдоль палашки сидѣли на полу, какъ наши поршные, по 4 чиновника на каждой споронѣ; на нихъ были черныя лапы и по двѣ сабли за поясомъ. При входѣ нашемъ оба Начальника встали; мы имъ поклонились по своему обычаю, и они намъ тоже; потомъ просили насъ сѣсть на приготовленные для насъ скамейки, но мы сѣли на свои стулья; а маэпрозовъ нашихъ они посадили на скамейки позади насъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и учтивостей они насъ стали подчивать чаемъ безъ сахара, наливая по своему обычаю до половины обыкновенной чайной чашки, копорья подносили на деревянныхъ лакированныхъ подносахъ безъ блюдецекъ; но прежде подчиванія спросили насъ, чего намъ угодно, чаю или чего другого. Потомъ принесли трубки и табакъ и начали говорить о дѣлѣ: они спрашивали о нашихъ чинахъ, именахъ, объ имени шлюпа, откуда и куда идемъ, зачѣмъ пришли къ нимъ, какія причины заставили *Рускія* суда напасть на ихъ селенія; знаемъ ли мы *Резанова* и гдѣ онъ нынѣ. На всѣ сіи вопросы мы дали имъ отвѣты, сходные съ прежнимъ нашимъ объявленіемъ, а второй Начальникъ записывалъ. Потомъ сказали они, что для опредѣленія количества нужныхъ намъ съѣстныхъ припасовъ, имъ должно знать, сколько у насъ всѣхъ людей. Вопросъ

сей былъ довольно смѣшонъ; однакожъ не безъ намѣренія сдѣланъ. Мы сочли за нужное увеличить свою силу вдвое противъ наслоящаго: 102 человѣка. *Алексѣй* не понималъ сего числа, и потому я принужденъ былъ поставивъ на бумагѣ карандашемъ такое число палочекъ и давъ *Японцамъ* перечесть. — Далѣ спросили они, есть ли у насъ въ здѣшнихъ моряхъ еще такой величины суда, какъ *Диана*. Много, сказали мы, въ *Охотскѣ*, *Камгаткѣ* и *Америкѣ*, очень много такихъ судовъ. Между прочимъ, предлагали они нѣсколько ничего незначащихъ вопросовъ касательно нашего плашья, обычаевъ и прочаго, и разсматривали привезенную мною каршу всего сѣша, ножи съ слоновыми череньями и зажигательныя стекла, назначенныя въ подарки Начальнику, а также піастры, которыми я хотѣлъ расплатиться съ *Японцами* и показалъ имъ для того, чтобъ они назначили, сколько имъ надобно. Пока мы разговаривали, Мичманъ *Мурѣ* замѣшилъ, что солдатамъ, сидѣвшимъ на площади за нами, раздають обнаженныя сабли, и сообщилъ объ этомъ мнѣ; но я думалъ, что *Г. Мурѣ* увидѣлъ одну саблю, обнаженную какъ нибудь случайно, и сказалъ ему съ усмѣшкою, не ошибся ли онъ, ибо *Японцы*, я думаю, давно уже имѣють при себѣ сабли, которыхъ обнажать шеперь кажется имъ ненужно; шѣмъ дѣло и кончилось. Но скоро послѣ того открылись основательныя причины къ подозрѣнію ихъ въ злыхъ умыслахъ; второй Начальникъ на нѣсколько времени выходилъ, и сдѣлавъ какія-то распоряженія, опять вошелъ, и шепнулъ что-то

главному Начальнику, которой, вставъ съ мѣста, хотѣлъ выдти вонъ. Мы въ тоже самое время встали и хотѣли съ нимъ прощаться, спрашивая его о цѣнѣ съсѣстныхъ припасовъ и намѣренъ ли онъ ихъ намъ дать. Тогда онъ опять сѣлъ, просилъ насъ сѣсть и велѣлъ подавать обѣдъ, хотя и рано еще было. На приглашеніе его мы согласились, рѣшась посмотрѣть, что будетъ далѣе, видя что пособить дѣлу уже поздно, но вдругъ ласковое обхожденіе *Японцевъ* и увѣщанія ихъ, чтобы мы ничего съ ихъ стороны худого не опасались, опять насъ успокоили, такъ что мы никакого вѣроломства не ожидали. Они подчивали насъ сорочинскимъ пшеномъ, рыбою въ соусѣ съ зеленью, и другими какими-то вкусными блюдами, намъ неизвѣстно изъ чего приготовленными; а напоследокъ напикомъ ихъ *сагою*. Послѣ сего главной Начальникъ опять покушался выйти подъ пуснымъ предлогомъ. Мы сказали, что намъ нѣтъ времени дожидаться и пора ѣхать. Тогда онъ, сѣвъ на свое мѣсто, велѣлъ намъ сказать, что ничѣмъ снабдить насъ не можетъ безъ повелѣнія *Матсмайскаго* Губернатора, у котораго онъ состоить въ полной командѣ, а пока на донесеніе его не последуетъ рѣшенія, онъ хочетъ, что бы одинъ изъ насъ оставался въ крѣпости аманомъ.—Вонъ ужъ *Японцы* начали снимать маску! На вопросъ мой, сколько дней нужно будетъ на то, чтобы отослать въ *Матсмай* донесеніе и получишь отвѣтъ, отвѣчалъ онъ: пашнапцать. Оставить такимъ образомъ офицера аманомъ, мнѣ показалось безчестно, а припомъ я думалъ,

что съ такимъ народомъ, какъ Японцы, сему дѣлу конца не будешь; Губернаторъ вѣрно безъ Правительствани на что не согласишься и рѣшительнаго отвѣта я и до зимы не получу; почему я отвѣчалъ Японцамъ, что безъ совѣшу оставшихся на шлюпѣ офицеровъ такъ долго ждаль рѣшиться не могу, а также и офицера оставить не хочу. За симъ мы встали, чтобы идти; тогда Начальникъ, говорившій дошолъ тихо и пріятно, вдругъ переѣнилъ тонъ: спаль говоришь громко и съ жаромъ, упоминая часто *Резаното*: (Резановъ:) *Николай Сандрѣтъ*: (*Николай Александровичъ*) (1) и брался вѣсколько разъ за саблю. Такимъ образомъ сказалъ онъ предлинную рѣчь. Изъ всей же оной поблѣднѣвшій *Алексѣй* пересказаль намъ только слѣдующее: „Начальникъ говоришь, что если хопя одного изъ насъ онъ выпустишь изъ крѣпости, то ему самому брюхо разрѣжешь“, Ошвѣшь былъ коротокъ и ясенъ; мы въ ту же секунду бросились бѣжать изъ крѣпости, а Японцы съ чрезвычайнымъ крикомъ вскочили со своихъ мѣстъ, но напасть на насъ не смѣли, а бросали намъ подѣ ноги весла и полѣнья, чтобы мы упали; когда же мы вбѣжали въ вороша, они выпалили по насъ изъ нѣсколькихъ ружей, но никого не убили и не ранили, хопя пули просвистали подѣ самой головы Господина *Хлѣбникова*. Между тѣмъ Японцы успѣли схватить *Г. Мура*, матроза *Макарова* и *Алексѣя* въ самой крѣпости, а мы, выскочивъ изъ ворошъ, побѣжали къ шлюпкѣ. Тушь

(1) Такъ звали Лейтенанта *Хвостова*.

съ ужасомъ увидѣлъ я, что во время нашихъ разговоровъ въ крѣпости, продолжавшихся почти 3 часа, морской ошливъ оставилъ шлюпку со всѣмъ на сушѣ, саженьхъ въ пяти отъ воды, а Японцы, примѣтивъ, что мы спастись ее на воду не въ силахъ, и высмотрѣвъ прежде, что въ ней нѣтъ никакого оружія, сдѣлались смѣлы, и выскочивъ съ большими обнаженными саблями, которыми они дѣйствуютъ, держа въ обѣихъ рукахъ, съ ружьями и съ копьями, окружили насъ у шлюпки. Тутъ, смотря на шлюпку, сказалъ я самъ себѣ: „шакъ! рокъ привелъ меня къ предназначенному мнѣ концу; послѣдняго средства избавиться мы лишились; погибель наша неизбежна!“ и ошдался Японцами, которые, взявъ меня подъ руки, повели въ крѣпость, куда повлекли также и несчастныхъ моихъ товарищей. На пути одинъ изъ солдатъ ударилъ меня нѣсколько разъ по плечу небольшою желѣзною палкою, но одинъ изъ чиновниковъ сказалъ ему что-то съ весьма суровымъ видомъ, и онъ тотчасъ перешалъ.

Въ крѣпости ввели насъ въ ту же палашку, но ни первого, ни втораго Начальника въ ней уже не было. Тутъ завязали намъ слегка руки назадъ и ошвели въ большое, низкое, на казарму похожее строеніе, находившееся отъ моря на противной сторонѣ крѣпости, гдѣ всѣхъ насъ (кромѣ Макарова; его мы не видали) поставили на колѣна и начали вязать веревками, въ палецъ шолщины, самымъ ужаснымъ образомъ, а потомъ еще такимъ же образомъ связали тоненькими веревочками, гораздо мучительнѣе. Японцы въ семь дѣлъ весьма

искусны, и надобно думать, что у нихъ закономъ постановлено, какъ вязать, потому что насъ всѣхъ вязали разные люди, но совершенно одинаково: одно число петель, узловъ, въ одинаковомъ разстояніи и проч. Кругомъ груди и около шеи вздѣты были пеньки, локши почти сходились и кисти у рукъ связаны были вмѣстѣ; отъ нихъ шла длинная веревка, за конецъ которой держалъ человѣкъ, такимъ образомъ, что при малѣйшемъ покушеніи бѣжалъ, если бы онъ дернулъ веревку, то руки въ локтяхъ спали бы ломаться съ ужасною болью, а пенья около шеи совершенно бы ее загнула. Сверхъ сего связали они у насъ и ноги въ двухъ мѣстахъ, выше коленъ и подъ икрами; потомъ продѣли веревки отъ шеи черезъ махицы и вышинули ихъ такъ, что мы не могли пошевеливаться, а послѣ сего, обыскавъ наши карманы, и вынувъ все, что въ нихъ только могли найти, начали они покойно курить табакъ. Пока насъ вязали, приходилъ раза два второй Начальникъ и показывалъ на свой рошъ, развѣвая оной, какъ кажется, въ знакъ того, что насъ будущъ кормить, а не убьютъ. Въ такомъ ужасномъ и мучительномъ положеніи мы пробыли около часа, не понимая, что съ нами будущъ дѣлать. Когда они продѣвали веревки за махицы, то мы думали, что насъ хотѣли шутъ же повѣсиль; я во всю мою жизнь не презиралъ столько смертню, какъ въ семъ случаѣ, и желалъ отъ чистаго сердца, чтобы они поскорѣ свершили надъ нами убійство. Иногда входила намъ въ голову мысль, что они хотѣли повѣсиль насъ на морскомъ берегу въ виду на-

шихъ соотечественниковъ. Наконецъ они, снявъ у насъ съ ногъ веревки, бывшія подъ икрами, и ослабивъ шѣ, кошорыя были выше колѣнъ, для шагу, повели насъ изъ крѣпости въ поле и потомъ въ лѣсъ. Мы связаны были такимъ образомъ, что десятипятилѣтній мальчикъ могъ безопасно вести всѣхъ насъ, однакожъ *Японцы* не такъ думали: каждого изъ насъ за веревку держалъ работникъ, а подѣ боку шель вооруженный солдатъ; и вели насъ одного за другимъ въ нѣкошоромъ разстояніи. Поднявшись на высокое мѣсто, увидѣли мы нашъ шлюпъ подъ парусами. Видъ сей пронзилъ мое сердце; но когда Господинъ *Хлѣбниковъ*, шедшій за мною, сказалъ мнѣ: „*Василій Михайловичъ!* взгляните въ послѣдній разъ на „*Діану!*“ шо ядъ разлился по всѣмъ моимъ жиламъ. Боже мой! думалъ я, что слова сіи значатъ? взгляните въ послѣдній разъ на *Россію*; взгляните въ послѣдній разъ на *Европу!* шакъ! мы шеперь люди другаго свѣта. Не мы умерли, но для насъ все умерло. Никогда ничего не услышимъ, ни когда ничего не узнаемъ, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ, что дѣлается въ *Европѣ* и во всемъ мірѣ!“ Мысли сіи шерзали духъ мой ужаснымъ образомъ. Пройдя версты двѣ отъ крѣпости, услышали мы пушечную пальбу. Наши выстрѣлы мы удобно онилачили отъ крѣпостныхъ по звуку. Судя по многолюдству *Японскаго* гарнизона и по толстотѣ землянаго вала, коимъ обведена крѣпость, нельзя было ожидать никакого успѣха; мы страшились, чтобы шлюпъ не загорѣлся или не спалъ на мѣль, и чрезъ шо со всѣмъ своимъ экипажемъ не попался въ руки къ *Японцамъ*.

Въ такомъ случаѣ горестная наша участь никогда не была бы извѣстна въ *Россіи*, а болѣе всего я опасался, чтобы дружба ко мнѣ *Г. Рикорда* и другихъ оставшихся на шлюпѣ Господь офицеровъ не заспавила ихъ, пренебрегая правилами благоразумія, высадивъ людей на берегъ въ намѣреніи завладѣть крѣпостью, на что они могли покушиться, не зная многолюдства *Японцевъ*, собранныхъ для обороны оной; у насъ же оставалось всего офицеровъ, нижнихъ чиновъ и со слугами 51 человекъ. Мысль эта до чрезвычайности меня мучила, тѣмъ болѣе, что мы никогда не могли надѣяться узнать объ участи *Дианы*, полагая что *Японцы* намъ не откроютъ, что бы съ нею ни случилось.

Я былъ такъ туго связанъ, а особливо около шеи, что пройдя шесть или семь верстъ, спалъ задыхаясь. Товарищи мои мнѣ сказали, что у меня лицо чрезвычайно опухло и почернѣло. Я едва могъ плевать и съ нуждою говорилъ; мы дѣлали *Японцамъ* разные знаки и посредствомъ *Алексѣя* просили ихъ ослабить немного веревку, но пушечная пальба ихъ такъ настрашала, что они ничему не внимали, а только понуждали насъ идти скорѣе и безпрестанно оглядывались. Я желалъ уже скорѣе кончить дни свои и ожидалъ, не поведушъ ли насъ черезъ рѣку, чтобы броситься въ воду; но скоро увидѣлъ, что этого мнѣ никогда не удастся сдѣлать, ибо *Японцы*, переходя съ нами черезъ маленькіе ручьи, поддерживали насъ подбруки. Наконецъ, потерявъ всѣ силы, я упалъ въ обморокъ, а пришедъ въ чувство, увидѣлъ *Японцевъ*, льющихъ на

меня воду. Изъ ршу и изъ носу у меня шла кровь; несчастные товарищи мои, *Мурб* и *Хлббниковъ*, со слезами упрашивали *Японцевъ* ослабить на мнѣ веревки, хотя немного, на что они съ большимъ трудомъ согласились. Послѣ сего, мнѣ сдѣлалось гораздо легче, и я съ нѣкошорымъ усиленіемъ могъ уже идти.

Пройдя вершъ съдесять, вышли мы на морской берегъ пролива, отдѣляющаго сей островъ отъ *Матс-мал*, къ небольшому селенію, гдѣ и ввели насъ въ комнату одного дома. Сперва предложили намъ каши изъ сорочинскаго пшена, но намъ тогда было не до ѣды. Пошомъ положили насъ кругомъ спать, такъ чтобы мы одинъ до другаго не могли дошрогивашься; дали каждому изъ насъ по пустой кадкѣ, чтобы облокопиться; веревки, за кои насъ вели, привязали концами къ желѣзнымъ скобамъ, нарочно на сей случай въ спѣху вколоченнымъ, сняли съ насъ сапоги и связали ноги въ двухъ мѣстахъ, по прежнему, очень туго. Сдѣлавъ все это, *Японцы* сѣли на срединѣ комнаты кругомъ жаровни и начали пить чай и курить табакъ. Если бы львы такимъ образомъ были связаны, какъ мы, то можно было бы между ими спать покойно безъ всякаго опасенія; но *Японцы* не могли быть покойны; они каждые четверть часа осматривали всѣхъ насъ, не ослабили ли веревки. Мы считали ихъ тогда лютейшими варварами въ цѣломъ мірѣ; но слѣдующій случай показалъ, что и между ими были добрые люди, и мы спали поспокойнѣе, если возможно только было успокоиться въ нашемъ положеніи. Здѣсь свели насъ вмѣстѣ съ

машпрозомъ *Макаровымъ*; отъ крѣпости до того мѣста его вели особо. Онъ намъ сказалъ, что *Японцы*, захвативъ его въ крѣпости, тотчасъ привели въ какую-то казарму, гдѣ солдаты подбивали его *сагою* и кашею, и онъ довольно исправно поѣлъ; потомъ связали ему руки и повели изъ города, но лишь только вышли въ поле, то развязали его тотчасъ и до самого здѣшняго селенія вели развязаннаго, позволяя часто по дорогѣ отдышаться; одинъ же изъ конвойныхъ нѣсколько разъ давалъ ему пить изъ своей дорожной фляжки *сагу*, а подойдя уже къ самому селенію, опять его связали, но не шуго.

Въ такомъ положеніи мы находились до самой ночи. Я и теперь не могу помыслить безъ ужаса о тогдашнемъ моемъ состояніи; я не беспокоился болѣе уже о своей собственной участи и почелъ бы себя щасливымъ, если бы возможно было освободить злополучныхъ товарищей моихъ, которыхъ бѣдствію я былъ одинъ виною. Великодушные поступки Господь *Мура* и *Хлѣбникова* при семъ случаѣ, еще болѣе шерзали духъ мой: они не только что не упрекали мнѣ въ моей неосторожной довѣренности къ *Японцамъ*, ввергнувшей ихъ въ погибель, но даже старались успокоивать меня и защищать, когда нѣкоторые изъ машпрозовъ начинали роптать, приписывая гибель свою моей оплошности. Я признаюсь, что за упреки ихъ машпрозовъ ни теперь, ни тогда не имѣлъ я прошивъ ихъ ни малѣйшаго неудовольствія — они были совершенно правы; припомъ негодованіе свое прошивъ меня изъявляли они очень скромно, не употребивъ ни одного не только дерзкаго,

но даже неучтивого слова, а шѣмъ жалобы ихъ были для меня чувствительнѣе. Положеніе наше дѣлало насъ равными; мы никогда не надѣлились возвратиться въ отечество, слѣдовательно простые люди, съ другими чувствами и хуже ко мнѣ расположенные, могли бы употребить *свой* языкъ, и по крайней мѣрѣ хотя дерзкою бранью отмстить или наказать меня за свое несчастіе, но наши мапрозы были очень далеки отъ сего. Не смотря на ужасную, можно сказать, нестерпимую боль, которую я чувствовалъ въ рукахъ и во всѣхъ костяхъ, будучи такъ жестоко связанъ, душевные терзанія заставляли меня по временамъ забываться и не чувствовать ни какой почти боли, но при малѣйшемъ движеніи, даже одною головою, несносной доль разливался мгновенно по всему тѣлу, и я тысячу разъ просилъ у Бога смерти, какъ величайшей милости.

Между шѣмъ къ Начальнику нашего конвоя безпрестанно приносили записки, которыя, прочитавъ, онъ объявлялъ своимъ подчиненнымъ. Разговоры ихъ были такъ тихи, и, какъ намъ казалось, такъ осторожны, что мы думали, будто они отъ насъ шаятся, хотя мы не знали ни одного *Японскаго* слова. Посему я и просилъ *Алексея* хорошенько вслушиваться въ ихъ разговоръ, и если что онъ пойметъ, намъ пересказывать. *Алексѣй* намъ сказалъ, что *Японцы* получаютъ записки сіи изъ крѣпости и разговариваютъ о нашемъ суднѣ и о *Русскихъ*; это все, что онъ могъ понять, говоря, что, впрочемъ ничего не разумѣешь въ ихъ разговорѣ. Извѣстіе сіе жестокиимъ образомъ насъ тревожи-

до. Мы думали, что участь нашихъ товарищей, оставшихся на *Діанѣ*, никогда не будетъ намъ извѣстна.

По наступленіи темноты, конвойные наши засуетились, и спали сбираться въ дорогу; а около полуночи принесли въ нашу комнату широкую доску, къ угламъ коей были привязаны веревки, какъ бываетъ на вѣсахъ, другими концами въ верху вмѣстѣ связанныя съ продѣтымъ при нихъ шестомъ, которымъ несли доску люди на плечахъ. *Японцы*, положивъ меня на сію доску, понесли вонъ. Мы, опасаясь, что насъ хотѣтъ навсегда разлучить, и что это можетъ быть послѣднее наше въ сей жизни свиданіе, простились со слезами и съ такою искренностію, какъ прощаются умирающіе. Прощаніе со мною машрозовъ меня чрезвычайно тронуло: они навзрыдъ плакали. Меня принесли къ морскому берегу и положили въ большую лодку на рогожу; чрезъ нѣсколько минутъ такимъ же образомъ принесли *Г. Мура* и положили со мною въ одну лодку. Симвъ неожиданнымъ случаемъ я былъ чрезвычайно обрадованъ и почувствовалъ на короткое время нѣкоторое облегченіе въ душевной скорби. Потомъ принесли *Г. Хлѣбникова*, машрозовъ *Симонова* и *Васильева*, а прочихъ троихъ помѣстили въ другую лодку. Наконецъ между каждыми двумя изъ насъ, сѣли по вооруженному солдашу, и покрыли насъ рогожами; а приготовившись совѣтъ, отвалили отъ берега и повезли насъ, куда неизвѣстно.

Японцы сидѣли смирно, ни слова не говоря и не обращающа на малѣйшаго вниманія на наши стоны. Только

одинъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, знавшій говорить по *Курильски*, и служившій нѣмъ переводчикомъ, сиди въ веслѣ безпрестанно пѣлъ пѣсни и передразнивалъ насъ, подражая нашему голосу и спонамъ, когда мы отъ боли и отъ душевнаго мученія иногда зывали къ Богу.

На разсвѣтъ 12 Юля пристали мы, подлѣ небольшого селенія, къ берегу острова *Матсия*. Насъ вполнѣ переложили въ другія лодки и повели ихъ бичевою вдоль берега къ юго-востоку. Такимъ образомъ шацили насъ безпрестанно цѣлый день и всю слѣдующую ночь, останавливаясь только въ извѣстныхъ мѣстахъ для перемѣны людей, плывущихъ бичевою, кошорыхъ брали изъ селеній, находящихся по берегу. Весь сей берегъ, такъ сказать, устьянъ спроеіемъ: на каждаго 3 хъ или 4 хъ верстахъ встрѣчаются многлюдныя селенія, изъ коихъ при всякомъ обильная рыбная ловля. Заведенія *Японскія* по сей части промышленности безпримѣрны; мы часто проѣзжали тони въ то время, когда вышаскивали изъ воды на берегъ невода огромной величины, съ невѣроятнымъ количествомъ рыбы (1). Здѣшняя лучшая рыба вся изъ рода лососины, даже самая, какая ловилась въ *Каигаткѣ*.

(1) *Японцы* обыкновенно большіе свои невода протягивають вдоль берега въ разстояніи отъ него сажень на 20, на 25 и болѣе, и оставляють оные на поплавахъ, пока рыба, идущая во время лова безпрестанно вдоль береговъ, не зайдетъ въ неводъ; тогда они большимъ числомъ людей вдругъ притягивають концы оного къ берегу.

Японцы часто предлагали намъ кашу изъ сорочинскаго пшена и поджареную рыбу; кто изъ насъ хотѣлъ ѣсть, тому они клали пищу въ ротъ двумя тоненькими палочками, которыми и сами ѣдятъ, употребляя ихъ вмѣсто вилокъ. Что принадлежитъ до меня, то я не могъ употреблять никакой пищи. *Японцы* вниманіе свое къ намъ простирали еще далѣе; мы не умѣли изъяснить имъ словами, а быть связаны и знаками не могли сообщить, когда требовалось исправленіе естественныхъ надобностей: но они прежде еще сами показали намъ весьма вразумительными шлодвиженіями, какія нужды намъ могутъ повстрѣчаться и какъ что на ихъ языкѣ называется. Два слова сіи мы тотчасъ зашверкали, и когда кто изъ насъ, имѣя надобность, произносилъ ихъ, того *Японцы* тотчасъ поднимали съ болѣею бережливостію, снимали платье, словомъ ничѣмъ не гнушались. Попеченіе *Японцевъ* объ насъ эшимъ еще не кончилось: они приспавляли къ намъ работниковъ съ вѣтками ошгонять комаровъ и мухъ. Двѣ шакія противоположности въ ихъ поступкахъ съ нами крайне насъ удивляли: съ одной стороны прилагали они непонятное объ насъ попеченіе, а съ другой стороны наши, происходившіе отъ чрезмѣрной боли, слушали спокойно и охотно не хотѣли для нашего облегченія ослабить веревокъ. Мы ни какъ не могли согласить сіи два противоположенія, впрочемъ какъ бы то нибыло, а добра отъ *Японцевъ* намъ ожидать было не лзя. Мы думали, что самая большая милость, которую они намъ окажутъ, будетъ состоять въ томъ, что насъ не убьютъ, но

станушь держашъ по смерть нашу въ неволѣ; а мысль о вѣчномъ заключеніи меня въ тысячу разъ болѣе ужасала нежели самая смерть; но какъ человекъ и въ дверяхъ самой гибели не лишается надежды, то и мы утѣшали себя мечтою: не представится ли намъ когда нибудь случай уйши. Для ободренія своего въ нашемъ несчастіи, мы иногда разсуждали: невѣчно же Японцы станушь насъ держашъ связанныхъ; теперь они бояшя, чтобъ мы не ушли, ибо корабль нашъ недалеко; но послѣ конечно насъ развяжушь, не понимая на что могушь ошважиться люди отчаянные; слѣдовательно мы будемъ имѣть средство уйши, завладѣемъ лодкою, переправимся на *Татарскій* берегъ, скажемъ, что претерпѣли кораблекрушеніе, и будемъ просить, чтобы насъ отвезли въ *Пекинъ*, а отсюда нешрудно будешь съ позволенія *Китайскаго* Правительсва пріѣхашъ въ *Кяхту*. Вошь и въ *Россіи*, въ своемъ отечествѣ! Но такія пріятныя, утѣшительныя мечпанія мгновенно исчезали. Такъ, Японцы насъ развяжушь, говорилъ намъ здравый разсудокъ, но это будешь въ чешырехъ стѣнахъ, за желѣзными запорами,—вошь вамъ и *Татарскій* берегъ, вошь и *Кяхта* и отечество ваше! Мысль сія повергла насъ въ ужаснѣйшее отчаяніе. Тогда уже и единой искры надежды не оспавалось. Я неоднократно говорилъ: если бы кораблекрушеніе, бѣдствіе случившееся на морѣ, или другой необходимый случай ввергъ меня къ Японцамъ въ руки, то я нимало не ропсашъ бы на судьбу свою, и всѣ несчастія самаго ужаснаго пльна переносилъ бы равнодушно; но я самъ добровольно ош-

дался имъ. Отъ чистаго сердца и отъ желанія имъ добра, поѣхалъ я къ нимъ въ крѣпость, какъ другъ ихъ, а теперь, что они съ нами дѣлають? Я менте мучился бы, еслибъ былъ причиною только моего собственнаго несчастія; но еще семь человекъ изъ моихъ подчиненныхъ также опъ меня спрадають. Товарищи мои старались меня успокоить. Г. Мурбъ замѣшилъ, что меня мучитъ честолюбіе, зачѣмъ я допустилъ Японцевъ обмануть себя, и совѣщавалъ мнѣ вспомнить многіе примѣры въ Исторіи: что люди во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше меня, сдѣлались жертвою ошибокъ, подобныхъ моей, какъ то: *Кукъ, Деланель, Князь Циціановъ* и прочіе; но я находилъ разность между ихъ жребіемъ и моимъ: они мгновенно были умерщвлены и ничего послѣ не чувствовали; а я живу и перзаюсь, будучи виною и свидѣтелемъ спраданій моихъ товарищей и своихъ собственныхъ.

Іюля 13 на разсвѣтѣ остановились мы подлѣ одного небольшого селенія завтракать. Жители со всего селенія собрались на берегъ смошрѣть насъ; изъ числа ихъ одинъ, видомъ почтенный старикъ, просилъ позволенія у нашихъ конвойныхъ подчивать насъ завтракомъ и сагою; на что они и согласились. Старикъ во все время сшоялъ подлѣ нашихъ лодокъ и смошрѣлъ, чтобы насъ хорошо кормили. Видъ его лица показывалъ, что онъ жалѣлъ о насъ непритворно. Такое добродушіе и вниманіе къ нашему несчастію въ постороннемъ человекѣ весьма много насъ утѣшило. Мы сшали о Японцахъ лучше мыслить, и не счишашъ ихъ совер-

шенными варварами, презирающими *Европейцевъ*, какъ какихъ нибудь живогныхъ. Послѣ зашпрака оная по-
тянули наши лодки вдоль берега далѣ. День былъ пре-
красный, тихій; мрачность вся исчезла и горизонтъ
сдѣлался совершенно чистъ. Всѣ соседственныя горы и
берега были весьма ясно видны; въ томъ числѣ *Куна-*
ширбъ, и берега, образующіе ужасную для насъ гавань,
мы очень хорошо могли оплечить, но *Діаны* нашей
не выдали. Я съ моею спорсны и не желалъ ее увидѣть:
видъ сей, если только можно, еще увеличилъ бы
грусть нашу. Часа за два или за три до захождения
солнца, мы остановились при небольшомъ числѣ ша-
лашей, обитаемыхъ *Курильцами*. Тупъ *Японцы* вы-
тащили обѣ наши лодки на берегъ, а потомъ, собравъ
великое множество *Курильцевъ*, потащили ихъ со всѣмъ,
съ нами и съ караульными, на гору сквозь кусты и
небольшой лѣсъ, очищая дорогу, и уничтожая препят-
ствія топорами. Мы не могли понять, чѣмъ могло
ихъ понудить тащить на гору такой огромной вели-
чины лодки (1). Мы думали, что они, увидѣвъ нашу *Діану*,
идущую къ берегу, и опасаясь, чѣмъ *Русскіе* на нихъ
не напали и насъ не отбили, по свойственной имъ
трусости, хотѣвъ спрятаться. Но скорѣ послѣ того
дѣло объяснилось. — Поднявъ лодки на самую вершину
довольно высокой горы, начали оныя спускаться на дру-
гую сторону и спустили въ небольшую рѣчку, весьма

(1) Наша лодка имѣла по крайней мѣрѣ около 30 футовъ въ
длину и футовъ восемь ширины.

много похожего на искусственно сдѣланный каналъ. Всего разстоянія шайцли они насъ ошъ 3 до 4 верстъ. Въ это время у маэпроза *Васильева* пошла изъ носу кровь и съ такимъ стремленіемъ, какъ изъ ошкрышой жилы; мы просили *Японцовъ* ослабить на немъ веревки, а особливо около шеи, но они нимало не внимали нашимъ прозьбамъ, а запыкали ему ность хлопчатою бумагою; но когда примѣтили, что средство сіе не могло остановить печенія крови, тогда уже ослабили веревки и то очень мало. Такая ихъ непреклонность хошъ къ малѣйшему нашему облегченію изглаживала изъ мыслей нашихъ доброе о нихъ мнѣніе; кошорое мы начинали было имѣть по поступкамъ нѣкоторыхъ частныхъ людей; и мы ошъ счишали ихъ самыми жестокосердыми варварами. Впрочемъ, когда насъ спустили на рѣчку, то конвойные наши стали обращаться съ нами гораздо ласковѣе, вѣроятно ошъ того, что теперь уже всякая опасность для нихъ ошъ нашего шлюпа миновалась. Они спарались намъ изъяснить знаками, что чрезъ 8 или 10 дней мы пріѣдемъ въ *Матсмай*; тогда насъ развяжутъ и позволятъ написать наше дѣло, кошорое будутъ разсматривать главные ихъ чиновники, и послѣ привезутъ насъ назадъ и опущатъ въ *Росцію*. Мы хошъ очень мало вѣрили симъ рассказамъ, но не ошвергали вовсе истины оныхъ, и надежда немного насъ успокоивала.

Рѣкою вышли мы въ большое озеро, кошорое, намъ казалось, имѣло сообщеніе съ другими обширными озерами. По озерамъ плыли мы всю ночь и слѣдующій

день, только очень медленно. Лодки наши часто должны были идти мѣлами, и не иначе какъ такимъ образомъ, что *Курильцы* сходили въ воду и шацили ихъ. Ночью шелъ сильной дождь. *Японцы* покрывали насъ рожами; но какъ онѣ часто съ насъ сваливались, то мы принуждены были почти безпрестанно просить представленныхъ къ намъ работниковъ поправлять ихъ; одинъ изъ нихъ былъ человекъ доброй — онъ былъ представленъ къ Г. *Хлббникову*, но готовъ всегда служить намъ всѣмъ, а прочіе отправляли днемъ должность свою хорошо, ночью же иногда лѣнились, отъ чего насъ исправно дождемъ помочило; а одинъ изъ нихъ даже нѣсколько разъ ударилъ Г. *Мура*, за то, что онъ его часто беспокоилъ; между тѣмъ должно сказать, что конвойные наши за это его побранили. Въ половинѣ ночи приспали мы къ одному небольшому селенію или городку для перемѣны гребцовъ. На берегу разложены были большіе огни, которые освѣщали нѣсколько десятковъ *Японскихъ* солдатъ и *Курильцевъ*, стоявшихъ въ строю: первые были въ воинской одеждѣ и въ лапахъ съ ружьями, а послѣдніе со стрѣлами и луками. Начальникъ ихъ стоялъ предъ фрунсомъ въ богатомъ шелковомъ плащѣ и держалъ въ рукѣ, наподобіе вѣсовъ, знакъ своей власти. Старшій изъ нашихъ конвойныхъ подошелъ къ нему съ великимъ подобострашіемъ, и присѣвъ почти на колѣна, съ поникшею головою, долго что-то ему рассказывалъ, надобно думать о томъ, какъ насъ взяли. Послѣ сего Начальникъ всталъ къ намъ на лодку съ фонарями посмощить насъ.

Мы просили его велѣть насъ нѣсколько облегчить; спражи наши, понимая, чего мы просимъ, пересказали ему, но онъ, вмѣсто отвѣта, засмѣялся, проворчалъ что-то сквозь зубы и ушелъ. Тогда мы отвалили отъ берега и поѣхали далѣе; а въ ночь на 15 число приспали къ большому огню, разведенному на берегу. Тушъ развязали намъ ноги и стали насъ выводить одного послѣ другаго и ставили подлѣ огня грѣться; а наконецъ повели всѣхъ на невысокую гору, въ большой, на сарай похожій, пустой анбаръ, въ которомъ, кромѣ однихъ дверей, никакого ошверзтія не было. Тамъ дали намъ одѣяла посплать и одѣвшись, положили насъ, связали опять ноги по прежнему, покормили кашею изъ сорочинскаго пшена и рыбою. Сдѣлавъ все это, *Японцы* расположились курить табакъ и пить чай, и болѣе уже объ насъ не заботились. 15 го числа во весь день шелъ проливной дождь, и мы оставались на той же квартирѣ и въ томъ же положеніи. Кормили насъ три раза въ день по прежнему кашею, рыбою и похлѣбкою изъ грибовъ.

16 го числа поушпру было уже ясно, и мы стали собираться въ дорогу. Ноги намъ развязали внизу, а выше колѣнъ ослабили, чтобы можно было шагать; надѣли на насъ наши сапоги и вывели на дворъ. Тушъ спросили насъ, хотимъ ли мы идти пѣшкомъ или чтобы насъ несли въ носилкахъ; мы всѣ пожелали пѣшкомъ идти, кромѣ *Алексѣя*, у котораго болѣли ноги. *Япон-*

ской *Олеода* (1) здѣшняго мѣста долго устроивалъ порядокъ марша; наконецъ шествіе началось такимъ образомъ: впереди шли рядомъ два *Японца* изъ близкаго селенія, держа въ рукахъ по длинной палкѣ краснаго дерева, весьма искусно выдѣланной; должность ихъ была показывать дорогу; они смѣнялись вожатыми слѣдующаго селенія, которые встрѣчали насъ, имѣя въ рукахъ такіе же жезлы, на самомъ рубежѣ, раздѣляющемъ земли двухъ селеній; за ними шли при солдатахъ въ рядъ; попомъ я; подлѣ меня шли: по одну сторону солдаты, а по другую работники, которой отгонялъ вѣткою мухъ и комаровъ; сзади же другой работникъ, державшій концы веревокъ, коими я былъ связанъ; за мною одна смѣна *Курильцевъ* несла мою носилку (2) а другая шла подлѣ оной въ готовностіи перемѣнить людей первой смѣны, когда они устанутъ; попомъ вели *Г. Мура*, за нимъ *Г. Хлббникова*, шамъ мастрозовъ одного за другимъ, точно такимъ же образомъ какъ и меня; а на конецъ несли *Алексы*; весь же конвой замыкали при солдатахъ, шедшіе рядомъ и множество разныхъ прислужниковъ: *Японцевъ* и *Курильцевъ*, несшихъ вещи,

(1) По нашему, земскій Исправникъ.

(2) Носилку сію составляла доска длиною фута въ 4 или $4\frac{1}{2}$, шириною въ $2\frac{1}{2}$ фута. Къ угламъ были привязаны деревянные вязы, которые сходились вверху въ мѣстѣ угломъ, въ высоту отъ доски фута на 4. Подъ угломъ проходила шестъ, за которой несли *Курильцы*, положи оной на плеча, три человѣка впереди и три назадъ; носилка же была обвѣшена кругомъ рогожками отъ дождя.

принадлежащія нашимъ конвойнымъ и съѣстные припасы; всего при насъ было отъ 150 до 200 человекъ; у каждаго изъ нихъ къ поясу привѣшена была деревянная дощечка съ надписью, къ кому изъ насъ онъ опредѣленъ, и что ему дѣлать, а всѣмъ имъ списокъ *Олеода* имѣлъ при себѣ.

На дорогѣ *Японцы* часто останавливались отдохнуть и всякой разъ спрашивали, не хотимъ ли мы ѣсть, предлагая намъ сорочинскую кашу, соленую рѣдьку, сушенныя сельди и грибы, а вмѣсто питья чай безъ сахара. Въ половинѣ же дня остановились мы обѣдать въ одномъ довольно большемъ, опрятномъ сельскомъ домѣ; хозяинъ онаго, молодой человекъ, самъ насъ подчивалъ обѣдомъ и *сагою*. Онъ приготовилъ было для насъ постели и просилъ, чтобы намъ позволили у него ночевать, такъ какъ мы устали; караульные наши на это были согласны, но мы просили ихъ продолжать путь; чрезмѣрная боль въ рукахъ заставляла насъ не щадить ногъ и стараться, какъ возможно скорѣе, добраться къ концу нашего мученія, полагая, по словамъ *Японцевъ*, что въ *Матсимаѣ* насъ развяжутъ. Послѣ обѣда шли мы очень скоро; стражи наши спѣшили, чтобы къ ночи придти въ городъ *Аткисѣ*, и какъ они намъ сказали, что тамъ на нѣсколько времени руки у насъ развяжутъ и лекарь приложитъ пластырь къ швамъ мѣстамъ, гдѣ веревками онѣ перешершты, то мы и сами поропились идти скорѣе. День былъ ясной и чрезвычайно жаркой. Мы устали до крайности и едва могли переслупать; но въ носилкахъ сидѣть не было спо-

собоу: онѣ были такъ малы, что мы должны были сгибаться, а завязанныя руки не позволяли намъ перемѣнять положенія безъ помощи другихъ, отъ чего нестерпимая боль разливалась по всему тѣлу; припомъ мы шли по узкой пропинкѣ, сквозь лѣсъ, почему носилки наши часто ударялись о пни, и какъ *Курильцы* шли очень скоро, то всякой такой ударъ, причиняя сотрясеніе тѣлу, производилъ боль еще несноснѣе; и потому минушъ по десяти ѣхали мы въ носилкахъ, а потомъ по часу шли пѣшкомъ. Наконецъ, передъ закапомъ солнца, пришли мы къ небольшой рѣчкѣ, гдѣ ожидали насъ двѣ лодки. Рѣчка сія, намъ сказали, впадаетъ въ заливъ, при которомъ стоишъ *Аткисѣ*, и объявили, что мы чрезъ корошкое время будемъ тамъ. Господина *Мура*, меня и двухъ мапрозовъ посадили въ одну лодку, а Г. *Хлббникова* съ прочими въ другую. Лодки наши кругомъ были завѣшены рогожками, такъ, что кромѣ неба и того, что было въ лодкѣ, мы ничего не могли видѣть. Людей, поверженныхъ въ великое нещастіе, малѣйшее приключеніе можетъ превозмъ и утѣшать. Случай сей мы шотчасъ исполковали щастливымъ предзнаменованіемъ: мы думали, что подозрительность *Японцевѣ* заставила ихъ закрыть насъ, чтобы мы не могли видѣть залива и окрестностей приморскаго города; а если такъ, то конечно конвойные наши имѣютъ причину полагать, что заключеніе наше будетъ невѣчно, и что рано или поздно насъ освободитъ; иначе, къ чему бы имъ было таить отъ насъ то, чего мы никогда не будемъ въ состояніи употребить ко вреду ихъ.